

ПИСЬМА К АВРЕЛИУ САФФИ

(1852—1856)*

ПЕЧАТАЮТСЯ ПО ФОТОКОПИЯМ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ «ЛИТЕРАТУРНОМУ
НАСЛЕДСТВУ» МУЗЕЕМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ
RISORGIMENTO (РИМ)

Публикация и комментарии Н. Д. Эфрос

Предисловие Н. Е. Застенкера

Хорошо известна тесная многолетняя дружба, связывавшая Герцена с Аврелием Саффи (1819—1890), выдающимся деятелем итальянского освободительного движения XIX века, членом руководящего триумvirата римской республики 1849 года. О том, как складывалась эта дружба и чем она скреплялась, Герцен рассказывал неоднократно и довольно подробно. На обстоятельствах своего сближения с Саффи он остановился в «Былом и думах»; незабываем нарисованный там Герценом светлый образ Саффи. В герцениане есть и многие другие сведения об отношениях Герцена с Саффи. Сведения эти содержатся в воспоминаниях их друзей и знакомых, в упоминаниях, встречающихся в письмах Герцена к разным корреспондентам. Но письма Герцена к Саффи до настоящего времени не были известны, а из переписки, которую вел Саффи со своим русским другом, в печать попала лишь меньшая часть. Сын Герцена, Александр Александрович, по просьбе наследников Саффи, вернул им его письма, и эта часть переписки до сих пор не опубликована. По мнению М. О. Гершензона, письма Саффи к Герцену «чаруют спокойной простотой и задушевностью тона, но по содержанию они не представляют интереса» (М. О. Гершензон. Образы прошлого. М., 1912, стр. 277). Со второй половиной этого суждения никак нельзя согласиться. Оно опровергается прежде всего опубликованными письмами Саффи. О содержательности же необнародованных пока писем Саффи позволяют судить печатаемые ниже ответные письма Герцена.

Ценность этой переписки определяется тем, что она была откровенным обменом мнениями по широкому кругу вопросов с корреспондентом, которому Герцен писал: «... вы, конечно, самый близкий мне человек в Европе» (письмо от 18 мая 1856 г.). Такая возможность откровенного разговора, сама по себе редкая, была для Герцена вдвойне редкой в то время, к которому относится большинство публикуемых писем — то есть в 1853—1855 гг. Эти годы были очень трудным периодом эмигрантской жизни Герцена, когда он остро переживал чувство одиночества, оторванности от родины, отчужденности от большинства представителей европейской демократии, — в том числе и от ее эмигрантских кругов. Настроения пессимизма стали проходить у Герцена вместе с началом энергичной деятельности по созданию вольной русской печати и особенно после приезда Огарева. Но переход от крайнего пессимизма к оптимизму плодотворного, революционного действия совершался у Герцена отнюдь не прямолинейно и отнюдь не быстро. Процесс этот замедлялся и осложнялся событиями Крымской войны, которая в целом даже усилила отчужденность Герцена от эмигрантской среды. Чтобы понять это, следует вспомнить, что война 1853—1856 гг., показав Герцену бездну

* Перевод с французского М. В. Вахтеровой.

лицмерия и реакционности в политике западноевропейских держав по отношению к России, вместе с тем обнаружила у многих деятелей европейской буржуазной демократии националистический шовинизм, выливавшийся порой в оголтелое «русоедство». Как известно, Герцен, несмотря на занятую им в отношении даризма пораженческую позицию, навлек на себя в годы войны, в связи с его выступлениями об историческом будущем России и проповедью идеи «свободной федерации» славянского мира, клеветнические обвинения в прислужничестве даризму и в одобрении его завоевательной политики. Саффи никогда не поддерживал этих обвинений, и отношения с ним Герцена оставались редким примером откровенного разговора, искренних признаний другу.

Многие из публикуемых писем отражают душевное состояние Герцена в годы Крымской войны и к концу ее. В письме от 4 ноября 1854 г. он благословляет судьбу, пославшую Саффи на его жизненном пути: «Видите ли, я все больше и больше отвыкаю любить людей, я люблю только крохотную горстку из очень узкого круга моих друзей — их да моих детей. Все остальные мне безразличны или отвратительны». Герцен высоко ценил дружбу с Саффи, как «одно из утешений» своей «искаленной жизни» (письмо от 14 апреля 1855 г.). Он пишет Саффи, что любит его и верит ему, что это для него необходимо: «... я цепляюсь за последние оставшиеся мне привязанности, чтобы вся моя жизнь не обратилась в бесплодную пустыню» (письмо от 27 июня того же года). Он предается мрачным рассуждениям об одиночестве по поводу разрыва с Энгельсоном и с горечью объявляет высшей философией «умение быть *одиноким*» и жить по правилу «*omnia mea mecum porto*» (письмо от 25 июня 1855 г.). В письме от 18 мая 1856 г. он снова заверяет Саффи: «У меня нет никого на свете, никого, кроме двух-трех человек да моих детей».

Героический характер, простота и искренность, сосредоточенность независимой мысли — вот черты Саффи, запечатленные в «Былом и думах» и составлявшие контраст с эмигрантской средой, отчужденность от которой Герцен так больно чувствовал. Герцен писал И. С. Тургеневу о Саффи: «Это — единый святой в проклятом Западе» (VIII, 358), — повторяя, в сущности, слова публикуемого ниже письма к Саффи от 17 декабря 1855 г., где он называл Саффи «человеком, кристально чистым...».

Эти признания могли делаться, естественно, лишь очень близкому человеку. Что для Герцена был необычайно привлекателен облик этого итальянского революционера — это бесспорно и засвидетельствовано не только самим Герценом, но и всеми, кто наблюдал их дружбу: И. С. Тургеневым, Мальвидой Мейзенбург, А. П. Милоковым, Н. А. Тучковой-Огаревой и другими.

Как показывают новые письма Герцена к Саффи, их дружбу цементировало наличие ряда общих точек зрения на многие вопросы дня. Еще в 1853 г. Герцен называл Саффи «соседом вдвойне» — по месту жительства «и еще более — по общности взглядов» (письмо от 26 июня 1853 г.). В дальнейшем эту общность Герцен распространил на весь их образ мышления. Он писал Саффи по поводу его раздумий о женитбе: «... вас, как и меня, разьедает демон этого ужасного века, гамлетизм, „дух отрицания“, как сказал бы Мацц<пини>» (письмо от 3 октября 1856 г.). О своих и Саффи спорах с Маццини Герцен рассказал кое-что в пятой части «Былого и дум», в главе XXXVII. Уже тогда, в дискуссии о творчестве Леонарди, Герцен разглядел решительное несходство натур двух итальянских революционеров: «У одного мысль ищет средств, сосредоточена на них одних, — это своего рода бегство от сомнений; она жаждет только деятельности прикладной <...> Другому дорога объективная истина, у него мысль работает...» (изд. АН, X, стр. 80). Этот вывод Герцена поясняют воспоминания Мальвиды Мейзенбург — свидетельницы жарких споров Герцена и Саффи с Маццини о его философии «священного действия», в частности, — по поводу требуемой Маццини «жертвенной» обязанности революционного действия в любой, даже самой безнадежной обстановке (см., например: M. M e y s e n b u r g. Individualitäten, 1901, S. 532). Мейзенбург подтверждает также, что Саффи становился на сторону Герцена, когда он спорил с Маццини в начале пятидесятых годов, высказывая скептическое отношение к возможности революционного действия в данный момент и требуя критического отношения к действительности (см. VII, 529).

ГЕРЦЕН

Фотография с дарственной надписью неустановленному лицу.

Надпись выпала и полностью не поддается прочтению: «А. Герцен <нрзб.>
Сентябрь 1857. Лондон. Putney».

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Письма Герцена к Саффи показывают, что их «общность взглядов» в дальнейшем развивалась в двух направлениях. С одной стороны, их сближала оценка событий Восточной войны и кровавой севастопольской кампании, отвращение к взрыву шовинистических настроений в некоторых кругах европейской буржуазной демократии. Обмениваясь мыслями с Саффи, Герцен откровенно указывал ему, что «половина эмиграции становится тайно-бонапартистской». Он предсказал, что «демократы и необщественные республиканцы будут еще более ослаблены новым расколом, который произведет среди них партия тайных бонапартистов, из стыда и самолюбия не желающих возвращаться, но при этом совершенно убежденных, что Бонапарт спасает цивилизацию и революцию» (письмо от 19 июня 1854 г.). Герцен делился с Саффи своим негодованием по поводу «галльского шовинизма» А. Барбеса, известного мелкобуржуазного революционера, рассматривавшего Крымскую войну, как «мщение за Ватерлоо». «Какая путаница в мыслях и какая дикость!» — говорит с возмущением Герцен. «Дикая война народов — вот до чего дошел наш мир <...> Ну и пускай он провалится ко всем чертям, этот мир, не пожелавший спастись иным путем» (письмо от 4 ноября 1854 г.). С другой стороны, Герцена связывало с Саффи и общее отрицательное отношение к буржуазному либерализму и к ходячим догмам тогдашней эмигрантской демократии. Об этих взглядах Саффи можно судить по его письмам к Герцену от 21 октября и 12 ноября 1855 г. (написанных после возвращения Саффи из поездки по революционным делам в Италию и Францию, в ответ на письмо Герцена о смерти Т. Н. Грановского): «Я был чрезвычайно взволнован вашею новою потерей и тем, что вы по этому поводу говорите...». Он указывал на две причины, от которых «рушатся наши лучшие привязанности»: «с одной стороны, смерть в своей материальной реальности, а с другой — смерть или вздорная болтливость старости в мысли и устах тех, которых неисчерпаемая глупость революционного *рабского стада* именует своими вождями!» (VIII, 241—242). Образное выражение Саффи насчет духовной смерти вождей «европейской демократии» взволновало Герцена и запало ему в память. Вскоре он писал об эмигрантской демократии в одном письме — «мертвые, погребающие самих себя» (письмо к Е. Ф. Коршу от 27 декабря 1855 г. — VIII, 252). Откликаясь на одно из не дошедших до нас писем Саффи, Герцен писал, что оно пробудило в нем «много печальных мыслей» (письмо от 4 ноября 1854 г.). К ним надо причислить и сознание беспочвенности эмигрантских упований на близкое торжество «универсальной республики».

Как доказывал Герцен (письмо от 25 июня 1855 г.), оставалось одно из двух: или... «быть одиноким — или же утешаться каким-нибудь католицизмом, то есть слепой верой, и каждый вечер, ложась спать, думать, что проснешься уже в республике...». Но тут же, в этом письме, были строки, говорившие о том, что Герцен не упускал возможности показать Саффи мелкотравчатость занимавших буржуазную демократию проблем по сравнению с проблемами, которые выдвигала новая историческая эпоха. Герцен писал ему: «Вчера было 24 июня. Мрачная годовщина единственной огромной и великой борьбы со времен 93 года. Но, боже мой, вы же всё это знаете лучше меня!».

Это стремление Герцена к социалистическому просвещению своего итальянского друга должно быть отмечено особо. Герцен еще в 1853 г., в одном из писем к М. К. Рейхель, признавался, что обучает Саффи философии. Он не прекращал этого «обучения» и в дальнейшем и намеревался использовать для этого свои работы «Об изучении природы» и «О дилетантизме в науке» (VII, 245). Герцен и в письмах пользовался случаем выставить в неприглядном свете идеалистические воззрения Маццини, высмеять его нелепые нападки на материализм и атеизм (письмо от 14 апреля 1855 г.). Не преминул Герцен напомнить Саффи и о склонности Маццини «нападать на социалистов не понимая, что такое социализм» (письмо от 4 ноября 1854 г.).

Как сильно отразились философские и политические «уроки» Герцена на мировоззрении и политическом сознании Саффи, может показать лишь специальное исследование. Но следует предупредить от поспешного вывода, будто Саффи до конца разделял политические взгляды и настроения Герцена. Что это было не так, свидетельствуют, в частности, герценовские письма к Саффи. Показателен и эпизод с попыткой

Герцена привлечь Саффи к протесту против травли, какой подвергли влиятельные круги эмигрантской демократии французского эмигранта Таландые, выступившего с публичной критикой деятельности Маццини и некоторых других вождей римской республики 1848—1849 гг. Надо заметить, что травля Таландые, взглядам которого Герцен во многом сочувствовал, глубоко взволновала его. Дело было не только в том, что Таландые намеками и открыто обвиняли в провокационной критике столпов демократии по заданию заинтересованных правительств, — как еще недавно обвиняли самого Герцена в прислужничестве паризму. Возмущение Герцена еще более усиливалось вследствие того, что инсинуации против Таландые разбередили его собственную едва затянувшуюся рану, они напомнили ему об инсинуациях Гервега и о неудавшемся проекте демократического суда. Пригласить Саффи участвовать в протесте против травли Таландые Герцена побуждали не только те соображения, о которых он поведал Саффи в письме от 17 декабря 1855 г.: «Ваше имя, как друга Маццини, имело бы значение протеста. Как имя человека кристально чистого и ничем не запятнанного, оно придало бы большой вес этому делу». Он не забыл, что Саффи в свое время высоко оценил его идею организации суда над Гервегом и называл Герцена «новым человеком», который считает необходимым наказать негодия не старым способом — дуэлью, а «одной силой демократического мнения» («Лит. наследство», т. 61, стр. 346, письмо Герцена к М. К. Рейхель от 23 июля 1852 г.). Вот почему Герцен не мог скрыть той горечи, какую вызвал у него отказ Саффи участвовать в протесте против травли Таландые, под предлогом сохранения своей «независимости». Герцен пытался обосновать свой призыв к итальянскому другу принципиальными соображениями, которые должны были раскрыть перед Саффи глубокую внутреннюю логику такого протеста, как выступления против беспринципности и моральной опустошенности в среде деятелей европейской демократии: «Я считаю вполне законным и необходимым не терпеть в партии негодяев и защищать сообща людей чистых», — писал Герцен Саффи (письмо от 17 декабря 1855 г.). «Ничего этого нет, наша партия совершенно лишена нравственного чувства <...> У меня не выходит из головы давнишняя моя мысль о нашем собственном трибунале. У нас его нет, потому что мы не составляем партии, мы являемся не частями живого организма, а носителями мертвой идеи — труна» (там же). Однако и эти мысли Герцена о европейской демократической «партии», перекликавшиеся с недавними размышлениями самого Саффи о старческом умирании демократических вождей, все же не убедили Саффи в необходимости поддержать выступление в защиту Таландые. Более того, Саффи воспринял предложение Герцена с подозрительностью. Подозрительность эта в немалой степени была вызвана комментариями и наставлениями Маццини, которого Саффи посвятил в просьбу Герцена и который, понятно, настойчиво предостерегал Саффи от заступничества за Таландые. Здесь сказалось то, что, несмотря на «общность взглядов» с Герценом по ряду вопросов, Саффи был и оставался маццинистом. Его реакция на предложение Герцена показала, насколько прочной была его принадлежность к маццинистскому лагерю. Письма Герцена к Саффи от 14 и 18 мая 1856 г. свидетельствуют, что тот в какой-то мере вял все же наветам на Герцена и прервал было отношения с ним. Этот перерыв в отношениях друзей длился около полугода, и Герцену не без труда удалось рассеять подозрения Саффи и восстановить прежнюю дружбу. Помогло этому и благородство натуры Саффи и то мнение Герцена о нем, которое еще более укрепилось после данного случая. «Я угадал в вас поэта, — писал Герцен в заключение этой размолвки <...>, — я понял, что ваше призвание скорее лирическое, чем политическое...» (см. письмо от 18 мая 1856 г.).

К сожалению, найденные письма Герцена к Саффи обрываются на 1856 году. Но даже в этих хронологических рамках коллекция их неполна, и многое остается невыясненным, например, намерение Герцена распространять через Саффи свои «русские брошюры» среди русских студентов в Оксфорде, о которых он просил разузнать в письме от 13 ноября 1853 г. Осуществилось ли это намерение и как относился к нему Саффи — мы не знаем. Документы более позднего времени показывают, что дружба Герцена к Саффи продолжалась до конца жизни Герцена. Нет сомнения, что дальнейшие находки могли бы дать много нового для изучения личной и идейной биографии Герцена и его «западных» связей и влияний.

1

<Londres.> 23 sept<embre 1852>¹

Cher monsieur Saffi, vous avez eu la bonté de nous promettre de passer ce samedi la soirée chez nous; permettez-moi de vous prier d'éloigner ce plaisir jusqu'à mardi. Nous avons le projet d'aller hors de la ville demain après le dîner.

Mardi viendra aussi Mr Reichenbach². Vous ne l'oublierez pas, n'est-ce pas?

Salut fraternel.

A. Herzen

4, Spring Garden's

На обороте: Mr Saffi

Kings Road

Radnor Street, 15.

Перевод:

<Лондон.> 23 сент<ября 1852 г.>

Дорогой господин Саффи, вы были так добры и обещали провести у нас вечер в эту субботу; позвольте просить вас отложить эту приятную встречу до вторника. Мы собираемся завтра после обеда поехать за город.

Во вторник к нам придет и г-н Рейхенбах². Вы не забудете, не правда ли?

Братский привет

А. Герцен

4, Spring Garden's

На обороте: Г-ну Саффи

Kings Road

Radnor Street, 15.

¹ Годовая дата устанавливается по адресу: в Спринг Гарденсе в сентябре Герцен жил только в 1852 г.

² Оскар Рейхенбах, граф (1815—1893)— немецкий политический деятель, участник революции 1848 г.; после поражения революции эмигрировал в Лондон, где с ним и познакомился Герцен.

2

<Лондон. 26 июня 1853 г.>

Cher Saffi,

Vous devenez infidèle et vous oubliez vos amis bien vite. Il y a une période historique depuis que je ne vous ai vu. J'ai eu le temps de tomber fortement malade et de me relever sain et sauf¹—et vous, voisin dans deux sens, voisin par l'Upper Northon Street et plus encore par la conformité des opinions, vous m'abandonnez.

Madame Hawks² et ses sœurs ont la bonne intention de venir chez nous mercredi soir — viendrez-vous?

Tout à vous

A. Herzen

26 juin. Dimanche

25, Euston Square.

Haug n'est pas encore en Australie — ce sont les dernières nouvelles de son voyage. Son navire a été vu près de New Road. La mer était calme³.

Перевод:

<Лондон. 26 июня 1853 г.>

Дорогой Саффи,

Вы становитесь непостоянны и быстро забываете своих друзей. Протекла целая историческая эпоха с тех пор, как мы виделись в последний раз. За это время я успел тяжело заболеть, вновь стать здоровым и невредимым¹, а вы, мой сосед вдвойне,

сосед по улице Upper Northon и еще более — по общности взглядов, — вы меня покинули.

Госпожа Гоукс² с сестрами имеют доброе намерение посетить нас в среду вечером, — не придете ли и вы?

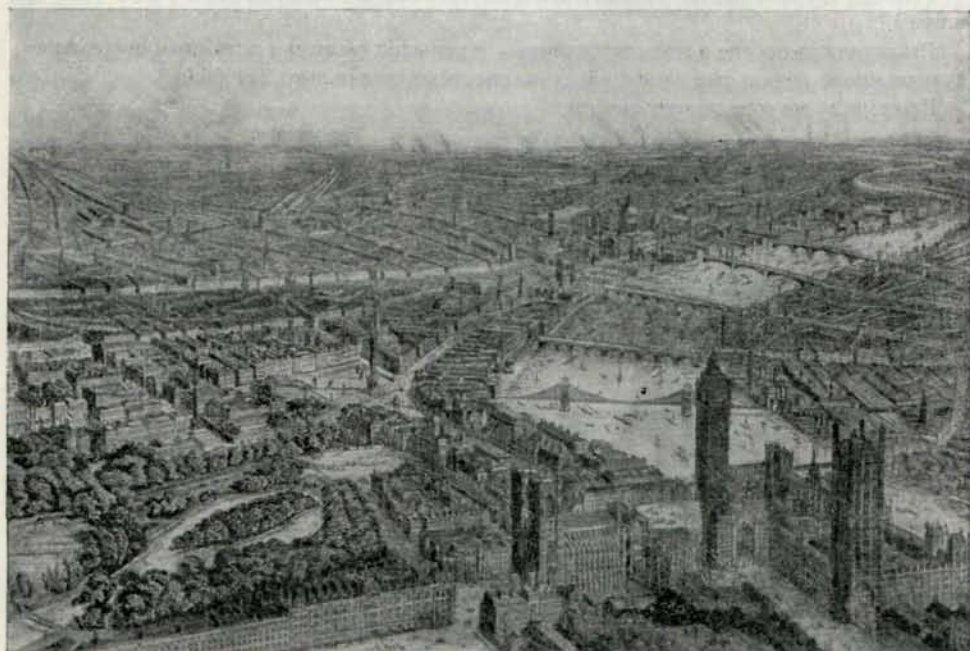
Весь ваш

А. Герцен

26 июня, воскресенье

25, Euston Square.

Гауг еще не добрался до Австралии — вот последние новости о его путешествии: его корабль был замечен возле New Road. Море было спокойно³.

ЛОНДОН, ОБЩИЙ ВИД

Гравюра, 1850-е гг.

Литературный музей, Москва

¹ 22 июня 1853 г. у Герцена внезапно начался тяжелый приступ удушья, продержавший его три дня в постели (см. VII, 242—243).

² Эмилия Гоукс, или Гокс (Hawkes) — дочь лондонского адвоката В. Аперста (см. о нем в письме № 11, примеч. 1). Известна своей дружбой с Маццини. Ее сестры — Каролина Стансфильд и Матильда Бигс.

³ Затянувшиеся на многие месяцы сборы Гауга в Австралию, куда он направлялся в качестве члена экспедиции Лондонского географического общества, служили предметом шуток Герцена. Гауг жил тогда у Герцена. Нью Род — название улицы, на которой находилась квартира Герцена (полный адрес этой квартиры: 25, Euston Square, New Road).

<Londres.> 8 septembre <1853>. Jeudi.
25, Euston Sq<uare>

Cher Saffi,

Golovine m'a prié de vous avertir qu'on attend avec impatience votre article sur Michel-Ange¹.

Vous avez été dans mon absence chez moi — je l'ai appris avec un véritable regret. J'ai appris beaucoup de choses très tristes... extrêmement tristes pour moi ².

Venez donc le plus vite possible.

Tout à vous

A. Herzen

Перевод:

<Лондон.> 8 сентября <1853 г.>. Четверг
25, Euston Square

Дорогой Саффи,

Головин просил сообщить вам, что вашу статью о Микеланджело ждут с нетерпением ¹.

Вы заходили ко мне в мое отсутствие — я услышал об этом с истинным огорчением. Я узнал много печальных новостей... чрезвычайно печальных для меня ².

Приходите же как можно скорее.

Весь ваш

A. Герцен

¹ Для какого издания предназначалась статья Саффи — не установлено.

² Очевидно, написано под свежим впечатлением свидания с М. С. Щепкиным (3—6 сентября 1853 г.), приехавшим в Лондон с целью убедить Герцена отказаться от политической деятельности и вернуться в Россию. Неудачная миссия Щепкина, действовавшего от лица московских друзей, привела к окончательному разрыву с ними Герцена, что очень тяжело им переживалось (ср. «Былое и думы», изд. АН, т. XI, стр. 298; письма к М. К. Рейхель—VII, 322, 328; А. И. Герцена. Новые материалы. М., 1927, стр. 80).

4

<Londres.> 13 novembre <1853>. Dimanche.

Très cher Saffi,

Est-il possible, probable, acceptable qu'il n'y ait pas de cause de ce retard scélérat que j'ai apporté à vous répondre? ¹ La cause en est prosaïque, j'ai égaré dans les papiers votre lettre — bonne, amicale, excellente, pour laquelle je vous serre la main — et je n'avais pas votre adresse. Mais qui connaît Golovine, connaît tout — il m'a sauvé.

Dieu des dieux, que cette aimable cité d'Oxford doit être ennuyeuse ²... au fond que nous fait le moyen âge des hommes et des édifices. Moins d'hommes, moins d'hommes autour de vous — si vous ne voulez pas les haïr tous. Mais de temps à autre il faut venir *chauffer* l'amitié — il faut venir chez nous et nous vous régalerons d'Orsini ³... ou de Laffitte de Wellington... comme il vous plaira.

Nous vivons tout doucement. Haug est allé — en Australie pensez-vous? oh non... — demeurer de l'autre côté d'Euston Square ⁴. Sa place est occupée par m-selle Meysenbug — qui vous salue beaucoup. C'est un véritable bonheur pour les enfants ⁵.

La question de l'Orient est tellement à la mode que je n'en dirai pas un mot par coquetterie ⁶. Mais il y a quelque chose de très grave dans tout ce qui se passe là... beaucoup plus grave que n'en rêve Campanella, que n'en médite Mazzoleni et même Barberini qui est allé à Constantinople ⁷.

A propos, maintenant l'émigration italienne n'a rien à désirer, elle est tout à fait au niveau de la française, il vous manquait un *Felix* et bien si vous n'en avez pas de F(élix) Pyat — vous avez Felice Orsini.

Voilà l'égalité et l'équilibre consommés.

J'imprime une petite chose assez jolie — je tâcherai de vous envoyer un № (c'est dans une gazette française) ⁸.

Vous m'avez promis de prendre des renseignements sur les étudiants russes à Oxford — faites cela. Proposez-leur mes brochures russes.

Demain Mazzini viendra dîner chez moi.— Adieu, cher ami, pensez à l'histoire italienne. Mais aussi quelquefois à vos amis,

Votre tout et tout dévoué.

A. Herzen

Перевод:

<Лондон.> 13 ноября <1853 г.> Воскресенье

Дражайший Саффи,

Возможно ли, вероятно ли, допустимо ли, чтобы я без всякой причины столь злодейски опоздал ответить на ваше письмо? ¹ Причина самая прозаическая: я затерял среди бумаг ваше письмо — доброе, дружеское, превосходное, за которое крепко жму вам руку, — и у меня не было вашего адреса. Но кто знает Головина, знает все: он меня выручил.

Всемогущий боже, какой должно быть скучный этот милый городок Оксфорд... ² что нам в сущности до средневековых людей и зданий. Поменьше людей, как можно меньше людей вокруг вас, если вы не хотите их всех возненавидеть. Однако время от времени необходимо *подогревать* дружеские чувства — надо приехать к нам, и мы угостим вас Орсини ³... или лафитом Веллингтона... как вам будет угодно.

Мы живем потихоньку. Гауг переселился — вы думаете в Австралию? — о нет: на другую сторону Euston Square⁴. Его место занято м-ль Мейзенбург, которая вам очень кланяется. Это истинное счастье для детей ⁵.

Восточный вопрос до такой степени в моде, что я из кокетства не скажу о нем ни слова ⁶. Но в том, что там происходит, есть нечто очень серьезное... гораздо серьезней мечтаний о том Кампанеллы, размышлений Маццолени и даже Барберини, который уехал в Константинополь ⁷.

Кстати, теперь итальянской эмиграции уже нечего желать, она вполне на уровне французской; вам недоставало только Феликса — ну что же, за неимением Ф(еликса) Пиа — у вас есть Феличе Орсини*. Вот и восстановлены равенство и равновесие.

Я печатаю довольно славную вещичку, — постараюсь послать вам № (это в одной французской газете) ⁸.

Вы обещали мне навести справки о русских студентах в Оксфорде — сделайте это. Предложите им мои русские брошюры.

Завтра Маццини придет ко мне обедать. — Прощайте, дорогой друг, думайте об итальянской истории. Но иногда также и о ваших друзьях.

Всецело вам преданный

А. Герцен

¹ Имеется в виду письмо Саффи от 4 ноября 1853 г., известное только в русском переводе (см. XIV, 6—7).

² Незадолго перед этим Саффи поселился в Оксфорде, получив приглашение преподавать в Институте Гэйлора при Оксфордском университете итальянский язык и итальянскую литературу. «Я здесь (в Оксфорде) очень одинок и очень печален; городок этот ветх и далек от всякого дуновения жизни и будущего», — писал Саффи Герцену в указанном письме от 4 ноября.

³ Орсини только что приехал тогда в Лондон: «Я прибыл в Лондон в ноябре 1853 г., в одну из суббот. Англия я видел в первый раз в жизни» (Феличе Орсини. Воспоминания. М.—Л., 1933, стр. 175).

⁴ См. примеч. 3 к письму № 2. Герцен хочет сказать, что Гауг оставил его дом.

⁵ «M-elle Мейз(енбург) у нас, я ею через край доволен», — сообщал Герцен М. К. Рейхель 9 ноября 1853 г. (VII, 389).

⁶ Время написания письма — начало Восточной войны, объявления манифеста Николая I о войне с Турцией (1 ноября) и развертывания военных операций в Валахии.

⁷ Герцен имеет в виду деятелей итальянского освобождения из окружения Маццини — Федерико Кампанеллу (1804—1884) и Перикла Маццолени. О нем Герцен прозаически отозвался в «Былом и думах»: «Чиновник, бюрократ по натуре, он нас смешал своей министерской важностью и дипломатическими манерами» (Изд. АН, т. XI,

* По-видимому, шутка: французское имя Феликс — по-итальянски Феличе; вызвана приездом Орсини в Лондон.

стр. 139; см. также «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 213—214). Третье упоминаемое лицо нам неизвестно.

⁸ Какую «славную вещичку» и в какой «французской газете» печатал в это время Герцен, установить не удалось.

5

<Londres.> 19 juin <1854>. Lundi.
25, Euston Sq<uare>

Merci, cher Saffi, bien merci pour vos lignes¹. Je n'ai pas écrit de longtemps à Pianciani parce que tout ce temps j'étais préoccupé; après votre passage Alexandre a eu une rougeole assez forte. Maintenant nous sortons de <la> quarantaine — et déjà j'emballe les livres et autres choses. J'écrirai aujourd'hui même à Jersey².

Mon ouvrage *Sur le développement des idées révolutionnaires en Russie* a été saisi en une traduction allemande chez tous les libraires de la Prusse. La *Gazette de Cologne* donnant cette nouvelle répète en partie le perfide article du *Leader* et ajoute que l'ouvrage est «favorable au tzar». Vous l'avez lu, cher ami, — jugez maintenant de l'imbécillité de ces hommes³.

Je n'ai pas écrit contre le *Leader* parce que Thornton Hunt s'est excusé de l'article lorsque Louis Blanc lui demanda l'explication. 2° — parce que Zéno a répondu fougueusement. 3° — parce que le *Leader* est un journal inconnu⁴. Mais la *Gazette de Cologne* — c'est une autre affaire. Je lui ai donné une leçon amicale. Et si elle n'insère pas ma lettre, je la ferai insérer dans cinq autres feuilles — en français, en allemand etc. Cette lettre vous fera beaucoup rire⁵.

Concernant le docte Piggot⁶ — que voulez-vous faire — il faut accepter toutes les excuses — bonnes ou mauvaises. Accepter... et se souvenir en temps et lieu qu'on a une dette à payer.

Des choses très tristes se passent sous nos yeux. La civilisation va être sauvée par Windischgrätz et C¹⁶. C'est dommage, que Hainau est mort. Lui et S<aint->Arnaud — quel couple⁷. La moitié de l'émigration devient *crypto-bonapartiste*... Etrange lutte, tout le monde sera abaissé. Nicolas l'est déjà; celui-là est positivement battu, Napier — négativement, parce qu'il n'a rien fait⁸. L'Angleterre — par ses mésalliances avec Bonaparte, avec François-Joseph. Reste la Turquie, la noble, la héroïque Turquie — comme la défense de Silistrie est belle, et Omar Pacha?... S<aint->Arnaud *est content de lui* (faut-il rire de rage ou suffoquer de colère!)⁹ Les démocrates, les républicains *insociaux* seront affaiblis par une division nouvelle, par le parti des *crypto-bonapartistes* honteux et ne voulant pas rentrer par point d'honneur, — mais très convaincus que Bonaparte sauve la civilisation, la révolution. Pour moi, en qualité de Russe, les choses vont très bien, et je commence à <prévoir> * la chute de cet animal de Nicolas. — Si on prenait la Crimée, cela serait fait de lui. Et moi, allant avec mon imprimerie à Odessa — anglaise... C'est magnifique¹⁰.

A propos, j'ai publié un assez gros volume de mes mémoires sous le titre — *Prison et déportation* (1834—1838)¹¹.

Adieu. Je vous ai donné il y a bien longtemps deux brochures allemandes — un roman de moi et un ouvrage sur l'Italie — pour m-lles Crauford. Elles ne se rappellent pas du tout — est-ce que vous savez q<uel>q<ue> <chose> par rapport à ces livres?¹²

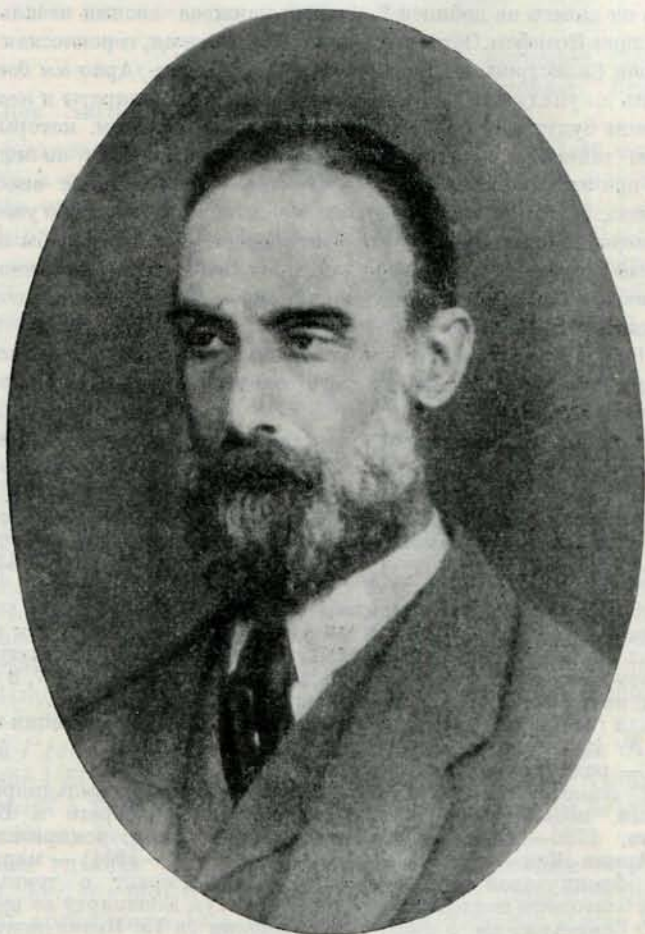
P. S. Je vous embrasse de tout mon cœur. Alexandre aussi. M-selle Meysenbug vous fait mille amitiés. Demain nous allons entendre Viardot dans le *Don Giovanni*.

* Письмо повреждено. Слово «prévoir» читается предположительно. — *Ред.*

Перевод:

«Лондон.» 19 июня (1854 г.). Понедельник.
25, Euston Square

Благодарю вас, дорогой Саффи, очень благодарю вас за ваши строки¹. Я давно не писал Пианциани, так как это время у меня было много забот: после вашего отъезда Александр довольно серьезно болел корью. Теперь карантин кончается, и я уже укладываю книги и вещи. Сегодня же напишу в Джерси².

АВРЕЛИЙ САФФИ

Фотография, 1860-гг. (?)

Национальный музей Risorgimento, Турин

Мое сочинение «О развитии революционных идей в России» в немецком переводе было изъято у всех книгопродавцев Пруссии. «Кёльнская газета», сообщая эту новость, частично повторяет предательскую статью «Leader'a», добавляя, что книга «служит на пользу царю». Вы ее читали, милый друг, судите сами о глупости этих людей³.

Я не выступал против «Leader'a»⁴ потому, что Торнтон Гант извинился за статью, когда Луи Блан потребовал у него объяснений; 2—потому, что Зено дал горячий отпор; 3—потому, что «Leader» — газета мало известная⁴. Но «Кёльнская газета» — совсем другое дело. Я ей преподал дружеский урок. И если она не поместит моего письма, я напечатаю его в пяти других газетах — по-французски, по-немецки и т. д. Это письмо вас очень рассмешит⁵.

Что касается ученого мужа Пиггота ⁶ — что поделаешь — приходится принимать всякие извинения, удачные и неудачные... Принимать... чтобы в свое время и в надлежащем месте вспомнить, что за тобой долг, который следует уплатить.

Много печального происходит на наших глазах. Спасение цивилизации зависит от Виндишгреца и К^о. Жаль, что Гайнау уже умер. Он да С(ент-)Арно — какая пара⁷. Половина эмиграции становится тайно-бонапартистской... Странная война, в которой все будут унижены. Николай уже унижен; он-то побит положительно, а Непир — отрицательно, ибо он ничего не добился⁸. Англия унижена своими мезальянсами с Бонапартом, с Францем-Иосифом. Остается Турция, благородная, героическая Турция; как прекрасна оборона Силистрии, а каков Омер-паша?.. С(ент-)Арно им доволен (что тут делать — хохотать до упаду или задыхаться от ярости?)⁹. Демократы и *необщижительные* республиканцы будут еще более ослаблены новым расколом, который произведет среди них партия тайных бонапартистов, из стыда и самолюбия не желающих возвращаться, но при этом совершенно убежденных, что Бонапарт спасает цивилизацию и революцию. Для меня как для русского дела идут хорошо, и я уже <предвижу> падение этого зверя Николая. Если бы взяли Крым, ему пришел бы конец. А я со своей типографией переехал бы в английский город Одессу... Превосходно? ¹⁰

Кстати, я издал довольно объемистый том моих воспоминаний под заглавием «Тюрьма и ссылка» (1834—1838)¹¹.

Прощайте. Когда-то давно я дал вам для девиц Кроуфорд две немецких книжки — мой роман и сочинение об Италии. Они этого совершенно не помнят; известно ли вам что-нибудь насчет этих книг?¹²

P. S. Обнимаю вас от всего сердца. Александр тоже. Мадмуазель Мейзенбург шлет вам дружеские приветствия. Завтра мы поедем слушать Виардо в «Don Giovanni»*.

¹ Это письмо, как и большинство упоминаемых Герценом писем к нему Саффи, неизвестно. До сих пор опубликовано лишь четыре письма Саффи к Герцену: от 4 ноября 1853 г. (XIV, 6—7), 21 октября и 12 ноября 1855 г. (VIII, 240—241; 241—243) и 20 сентября 1860 г. («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 546—547).

² См. в публикации писем к Пианччани письмо № 10.

³ Подробнее об этом см. в письме к Пианччани № 10 и примеч. 8 к этому письму.

⁴ О выпадах против Герцена английской газеты «The Leader» и выступлениях в защиту Герцена Зено Свентославского см. в письмах к Пианччани №№ 7, 8 и 9 и в примечаниях к этим письмам. Торнтон Гант — издатель «The Leader».

⁵ «Кёльнская газета» напечатала письмо Герцена. См. в публикации писем к Пианччани письмо № 10, примеч. 8.

⁶ Пиггот — редактор «The Leader».

⁷ Альфред Виндишгрец (1787—1862) — австрийский фельдмаршал, командовал войсками, подавившими в 1848 г. восстание в Праге и Вене. — Юлиус Гайнау (Наупау, 1786—1853) — австрийский фельдмаршал, усмиритель венгерской революции. — Арман-Жан Леруа де Сент-Арно (1801—1854) — маршал, главнокомандующий французской армией в Крыму. Авантюрист с темным прошлым, выдвинувшийся благодаря поддержке, оказанной им Луи Бонапарту во время переворота 2 декабря. О Сент-Арно см. в письме к Пианччани № 15. Имена контрреволюционных австрийских генералов иронически упомянуты Герценом в сочетании с именем Сент-Арно как символ военного соглашения между Габсбургской монархией и бонапартистской Францией — столпами тогдашней европейской реакции.

⁸ Чарльз Непир (1786—1860) — адмирал, командовал английским флотом в Балтийскую кампанию 1854 г. Он не решился предпринять ни одной крупной операции против русских и не одержал ни одной серьезной победы (см. о нем по указателю).

⁹ Омер-паша (Михаил Латош, 1816—1871) — главнокомандующий турецкой армией в Крымскую войну. В июне 1854 г. газеты сообщали о крайне тяжелом положении осажденной Силистрии, терпевшей огромные потери от огня русской артиллерии и все усиливавшегося в крепости голода. Сент-Арно обещал Омер-паше выслать к Силистрии французские войска, но обещание свое не сдержал. Этим, очевидно, и объясняется ироническое замечание Герцена по адресу Сент-Арно. Что касается восторженного отзыва Герцена об Омер-паше, то он не разделяется новейшими историками. «Как усердно восторгавшиеся им <Омер-пашой> английские и французские газеты ни раздували его мнимые военные таланты, — пишет академик Тарле, — это был только деспособный генерал, годившийся в исправные дивизионные начальники европейской армии, но не больше» (Е. В. Тарле. Крымская война, т. I, изд. 2. М., 1950, стр. 508). Герцен находился, по-видимому, под впечатлением этих газетных сообщений.

* «Дон Жуане» (итал.).

¹⁰ Ср. в письме к Пианциани № 10.¹¹ «Тюрьма и ссылка. Из записок Искандера». Лондон, 1854.¹² Перевод романа «Кто виноват?» («Wer hat Schuld? Rußlands Novellendichter. Übertragen und mit biographisch-kritischen Einleitungen von Dr. Wilhelm Wolfsohn». Dritter Teil. Alexander Herzen. Leipzig, 1851) и «Письма из Франции и Италии», впервые увидевшие свет на немецком языке. «Briefe aus Italien und Frankreich» (1848—1849) von einem Russen, Verfasser des «Vom anderen Ufer». Hamburg, 1850. *Кроуфорд* — Джорджина и Катерина. См. письма №№ 20—22.

6

4 novembre <1854>. Samedi.
Twickenham. Bridgefield villas

Cher Saffi,

Vous ne pouvez pas vous imaginer quelle joie m'a fait votre lettre. La destinée vous a mis sur ma route — pour me rappeler mes amitiés de la jeunesse, grâce vous soit rendue pour cela. Car, voyez-vous, je me déshabitué de plus en plus d'aimer les hommes, je n'aime qu'un tout petit nombre d'un nombre très petit de mes amis — eux et mes enfants. Le reste m'est indifférent ou détestable. Votre lettre a réveillé en moi beaucoup de pensées tristes; de grâce ne pensez pas que je sois parvenu en riant à ces dures vérités qui vous agitent maintenant. Chaque parole et chaque allusion dans votre lettre a été *pressentie* par moi; pendant votre absence, j'en ai parlé avec Domengé¹. Une guerre sauvage de nationalités — voilà où est parvenu ce monde; est-ce que tous les récits de Sébastopol ne vous font pas l'effet d'un cannibalisme (de part et d'autre) restauré; eh bien, qu'il s'en aille à tous les diables ce monde, qui ne voulait pas se sauver autrement.

Et un Barbès qui parle de *venger* Waterloo — quelle confusion et quelle sauvagerie².

Mais tout cela est trop long pour des lettres; quand est-ce que je vous verrai? Venez ici pour un jour ou deux, j'ai maintenant de la place pour vous loger chez moi (ma maison est tout à côté du pont de Richmond, vis-à-vis de la S<aint> Helena terrace). Venez vous reposer avec nous, barbares, et si vous m'estimez un peu, ne pensez pas aux dépenses; vous me direz ce qu'il y a à faire — n'est-ce pas?

J'ai été à *l'Isle of Wight*, c'est très beau, magnifique³. C'est là qu'il faudrait passer l'hiver. Londres est détestable pour moi... oh, j'ai tant de cancans ignobles à vous raconter. Oh, les braves gens, les braves gens, combien de canailles, brigands il y a parmi eux.

Adieu. Mes enfants vont très bien. Les publications russes aussi⁴. Je vous attends, écrivez-moi quand vous viendrez, et dans tous les cas écrivez-moi; j'ai soif après toute la sécheresse du scepticisme, après tout le sel de l'ironie d'une voix amie, d'une main sympathique.

A. H e r z e n

Les lettres de M<a>z<zini> à Fazy et à la Confédération sont magnifiques — je les ai lues et relues⁵... C'est beaucoup mieux que de tomber sur les socialistes, sans comprendre ce que c'est que le socialisme.

Et pourtant *l'individu* de Zürich est entouré d'Italiens⁶... voilà la justice. L'existence de cet homme est une flétrissure éternelle pour moi. Quelle justice — dieu des dieux... la justice c'est notre main et à qui remportera.

П е р е в о д:

4 ноября <1854 г.>. Суббота.
Твикенгем. Bridgefield villas

Дорогой Саффи,

Вы не можете себе представить, какую радость доставило мне ваше письмо. Сама судьба послала вас на моем пути, чтобы напомнить о дружеских связях моей юности, — спасибо вам за это. Видите ли, я все больше и больше отвыкаю любить

людей, я люблю только крохотную горстку из очень узкого круга моих друзей — их да моих детей. Все остальные мне безразличны или отвратительны. Ваше письмо пробудило во мне много печальных мыслей: не думайте, ради бога, что я легко дошел до тех горьких истин, которые волнуют вас теперь. Каждое слово, каждый намек в вашем письме я уже *предчувствовал*. Во время вашего отсутствия я говорил об этом с Доманже¹. Дикая война народов — вот до чего дошел наш мир; разве все эти рассказы о Севастополе не производят на вас впечатления возрожденного каннибализма (и с той и с другой стороны)? Ну и пускай он провалится ко всем чертям, этот мир, не пожелавший спастись иным путем.

А хорош Барбес, вызывающий о *мицении* за Ватерлоо? Какая путаница в мыслях и какая дикость!²

Но все это слишком длинно для письма; когда же я вас увижу? Приезжайте сюда денюка на два, теперь у меня в доме для вас найдется место (мы живем совсем рядом с Ричмондским мостом, против S(aint) Helena terrace). Приезжайте отдохнуть с нами, варварами, и если вы хоть немного меня уважаете, не думайте о расходах; вы мне скажете, что надо приготовить, неправда ли?

Я был на острове Wight, там очень красиво, великолепно³. Вот где следовало бы провести зиму. Лондон мне опротивел... О, сколько мерзких сплетен мне надо вам рассказать... О, добрые люди, добрые люди, сколько среди них негодяев и душегубов.

Прощайте. Дети мои чувствуют себя отлично. Русские издания тоже⁴. Жду вас, напишите мне, когда вы приедете — и во всяком случае, напишите мне. После всего этого черствого скептицизма, всей этой едкой иронии, я жажду участливого голоса, дружеской руки.

А. Герцен

Письма М(а)ц(цини) к Фази и Конфедерации великолепны; я их читал и перечитывал...⁵ Это куда лучше, чем нападать на социалистов, не понимая, что такое социализм.

Однако, *субъект* из Цюриха окружен сочувствием итальянцев... вот она, справедливость⁶. Существование этого человека — вечный позор для меня. Какая там справедливость, великий боже!.. правосудие вершат наши руки, и чья возьмет.

¹ Жозеф Доманже (Domenger) — французский революционный эмигрант, друг Герцена, одно время был учителем его сына Александра.

² Во время Крымской войны Барбес, в письме к другу из тюрьмы (за участие в демонстрации 15 мая 1848 г. Барбес был приговорен к пожизненному заключению), горячо ратовал за победу французского оружия, во благо «цивилизации» и «человечества». Узнав о его шовинистических настроениях, Наполеон III амнистировал Барбеса (октябрь 1854 г.), несмотря на протест последнего. Этот эпизод упоминается в «Былом и думах»: «Случайно, против своей воли, вышел он из тюрьмы; Наполеон его вытолкнул из нее почти в насмешку, прочитав во время Крымской войны письмо Барбеса, в котором он, в припадке галльского шовинизма, говорит о военной славе Франции» (Изд. АН, т. XI, стр. 51).

³ Герцен ездил на остров Уайт в середине сентября 1854 г. О его встречах там с Пульским и Кошутом см. в настоящем томе, публикацию писем к Пульскому.

⁴ В 1854 г. Вольной русской типографией было выпущено 10 различных изданий. В том числе четыре сочинения Герцена: «Русскому воинству в Польше»; «XXIII годовщина польского восстания в Лондоне. Речь, произнесенная на сходе в Ганновер-Руме 29 ноября 1853 г.»; «Прерванные рассказы»; «Тюрьма и ссылка».

⁵ О выступлениях Маццини против Швейцарского федерального совета и Фази см. в письме к Пианциани № 13 и примеч. 1 к этому письму.

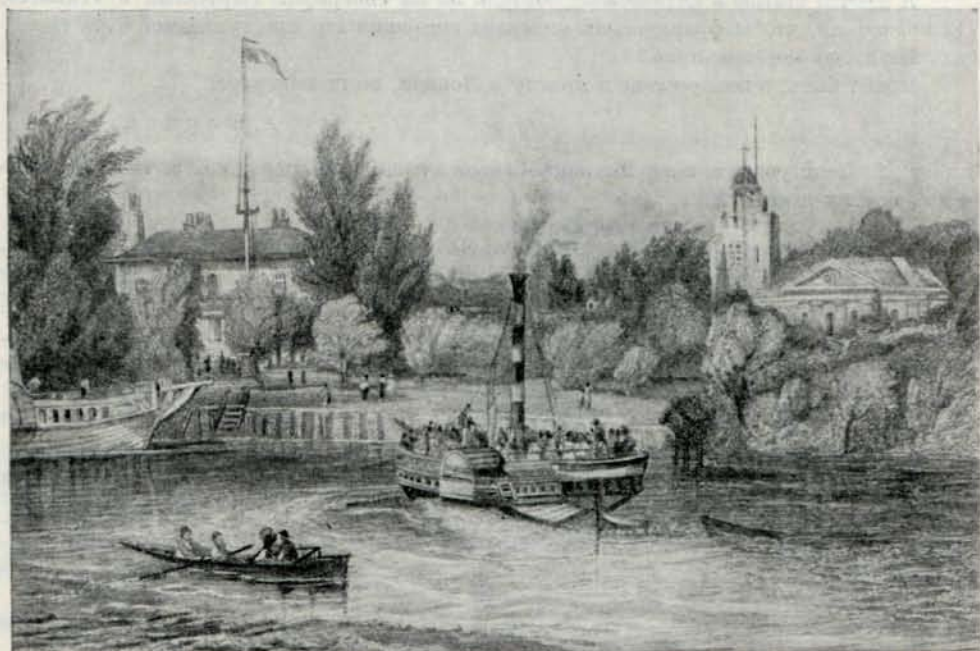
⁶ *Субъект из Цюриха* — Георг Гервег. Сочувствием итальянцев Гервег был, вероятно, обязан своей жене Эмме Гервег — близкому другу Орсини, которому она не раз приходила на помощь в трудных обстоятельствах. В августе 1854 г., после бегства из-под ареста в Сен-Морисе, Орсини скрывался у нее в Цюрихе. Позднее, в 1856 г., она оказала ему исключительную услугу, способствовала его побегу из Мантуйской крепости. «Еще раз благодарю вас за все, что вы сделали для нашего друга; мы никогда этого не забудем», — писал ей в связи с этим Маццини (XIV, 92).

<Twickenham.> 12 janvier <1855>.

Soir. Richmond house

Oh vous, volage, — nous vous attendons, attendons, cher Saffi, et voilà un billet après l'autre.

Dhez nous il y avait presque un grand malheur. Hier pendant que je ne préparais d'aller chez m-me Milner Gibson¹ — Olinka est tout à coup tombée malade — c'était le commencement du croup — il semble que nous avons à temps coupé la maladie. Je pense que Tata passera par la même épreuve. Et voilà la vie.

ТВИКЕНГЕМ

Гравюра из книги: *«The History of London Illustrated»* by John Wood's, 1849

В «сельце» Твикенгеме, близ Лондона, Герцен жил с половины октября 1854 до начала апреля 1855 г.

Il y a toujours une place entre la coupe et les lèvres pour un malheur. A peine on s'oublie un peu — crac — quelque chose se casse.

Et vous faites pendant ce temps des conquêtes — ma police secrète m'a déjà dénoncé vos visites helléniques.

J'ai lu l'article de l'*Athenaeum*². Avez-vous lu la biographie de Barthelémy dans le *Times* — serait-il possible qu'un réfugié français l'aurait perpétré³.

A lundi donc.

Peut-être je viendrai demain à Londres, mais cela n'est pas sûr.

A. Herzen

P. S. Si vous voyez m-me Milner-Gibson, faites qu'elle m'excuse et expliquez pourquoi je n'ai pas été.

Перевод:

«Твикенгем» 12 января <1855 г.> Вечер
Richmond house

Эх вы, ветреник! — мы вас ждем, ждем, дорогой Саффи, — и вот одна записка за другой.

У вас чуть было не случилось несчастья. Вчера, когда я собирался к г-же Мильнер-Гибсон¹, Оленька вдруг захворала: начинался круп, но мы, кажется, во-время захватили болезнь. Боюсь, что и Тату ждет то же испытание. Такова жизнь.

Между чашей и устами всегда найдется место для несчастья; чуть забудешься немного — крак! — что-нибудь да разбилось.

А вы тем временем одерживаете победы — моя тайная полиция уже донесла мне о ваших эллинских похождениях.

Я прочел статью в «Атенеуме»². Читали ли вы биографию Бартелеми в «Таймсе»? Возможно ли, чтобы французский эмигрант совершил это преступление?³

Итак, до понедельника.

Может быть, в воскресенье я приеду в Лондон, но не наверное.

А. Герцен

P. S. Если увидите г-жу Мильнер-Гибсон, извинитесь перед ней за меня и объясните, почему я не был.

¹ Сюзанна-Аретуза *Мильнер-Гибсон* (1814—1885) — жена Томаса Мильнера-Гибсона, английского либерала, депутата парламента, министра. Она была в дружеских отношениях с Маццини и принимала у себя представителей лондонской политической эмиграции.

² *The Athenaeum* — английский еженедельный критико-литературный и библиографический журнал. В номере от 6 января 1855 г. была напечатана статья анонимного автора с хвалебным отзывом о Герцене как писателе и благожелательной оценкой деятельности Вольной русской типографии (ср. «Лит. наследство», т. 63, 1955, стр. 805).

³ Эммануэль *Бартелеми* (Bartelemi, 1820—1855) — французский революционер, рабочий. О Бартелеми, привлеченном к суду за убийство лондонского фабриканта Джорджа Мура, о его процессе, казни и о глубоком сочувствии к нему Герцена см.: «Былое и думы» (Изд. АН, т. XI, стр. 95—105); Мальвида Мейзенбург. Воспоминания идеалистки. М.—Л., 1933, стр. 301—304, 307—315; см. также в письме к Пианциани № 16.

8

29f évrier 1 <1855>. Twickenham. Richmond house

Cher ami,

Je veux vous rendre compte du meeting² — tous les «burgraves» de la Révolution ont refusé³. L<ouis> Blanc n'y a pas été, pas même F<elix> Pyat — et le meeting a été splendide. Votre nom a été applaudi immensément, d'autant plus que Maz<zini> a écrit une lettre amère — et presque blessante. Mais vous avez eu malheur avec le beau travail que vous aviez envoyé (au reste cela sera traduit) — c'est le maudit Reclus (que vous nommez Maclus)⁴ qui l'a lu. Eh bien, il n'a de voix que pour parler à une femme et cela lorsqu'il est au lit avec elle — et non pour l'immense S<aint> Martin's Hall.

Le discours de Talandier a été d'une beauté, d'une force telle, que vous ne pouvez pas vous imaginer — j'avais des larmes aux yeux⁵. Mon discours a été accueilli avec des applaudissements frénétiques (grâce à l'infâme Golovine qui a publié dans le *Morning Advertiser* que j'étais un Juif allemand — pensant que je n'oserai pas dire la vérité sur ma naissance — et j'en ai fait⁶. Alors Jones et le Comité ont publié un article⁷ — tout cela m'a fait cette *ovatio*).

Une dame est venue me donner un bouquet — j'ai pensé que je suis Grisi ou grisé.

Adieu, cher Saffi, nous vous aimons tous chaudement; quand viendrez-vous? Je voudrais beaucoup parler avec vous.

Les discours seront dans le *Peoples Paper* — le vôtre aussi. — Après dans *l'Homme*⁸ — je vous l'enverrai.

Je vous ai envoyé Michelet⁹. Pulsky écrira aussi, mais je vous tiens à la promesse.

L'introduction est un chef d'oeuvre, il n'a rien écrit de pareil dans sa vie — voilà un coup au catholicisme.

Adieu.

A. H e r z e n

M-selle Meysenbug vous salue¹⁰.

П е р е в о д:

29 февраля¹ <1855 г.>. Твиннгем.
Richmond house

Дорогой друг,

Хочу дать вам отчет о митинге² — все «бургграфы» Революции³ отказались выступать. Не явился ни Л<уй> Блан, ни даже Ф<еликс> Пиа, а митинг прошел блестяще. Ваше имя было встречено бурными аплодисментами, тем более, что Мац<ци> прислал едкое и почти оскорбительное письмо. Но вашему превосходному посланию не повезло (кстати, оно будет переведено): ведь его читал этот проклятый Реклю⁴ (называемый вами Маклю). Ну, знаете, ему хватило бы голоса только для болтовни с женщиной, — и то, если он лежит с ней в постели, — но никак не для громадного S<aint> Martin's Hall.

Речь Таландые отличалась такой красотой, такой силой, что вы и вообразить не можете, — у меня выступили слезы на глазах⁵. Моя речь была встречена бешеными рукоплесканиями (благодаря подлецу Головину, который напечатал в «Morning Advertiser», будто я немецкий еврей, думая, что я не посмею сказать правду о своем происхождении, а я это сделал⁶. Тогда Джонс и Комитет напечатали статью⁷ — благодаря всему этому я и заслужил такую ovatio*).

Одна дама поднесла мне букет — я уж подумал было, что я Гриси или grisé **.

Прощайте, дорогой Саффи, мы все горячо вас любим. Когда вы приедете? Мне очень хочется с вами побеседовать.

Речи появятся в «Peoples Paper» и ваша тоже, затем в «L'Homme»⁸. Я вам ее пришло.

Я вам послал книгу Мишле⁹. Пульский тоже о ней напишет, но я помню о вашем обещании.

«Введение» настоящий шедевр, за всю свою жизнь он не написал еще ничего подобного, — это беспощадный удар по католицизму.

Прощайте

A. Г е р ц е н

М<адемузель> Мейзенбург вам кланяется¹⁰.

¹ 29 февраля — очевидно описка; 1855 г. — не високосный. Между тем факты, содержащиеся в письме, нельзя отнести к другому году.

² Речь идет о митинге в память февральской революции 1848 г., состоявшемся 27 февраля 1855 г. в St. Martin's Hall'е в Лондоне. В «Былом и думах» Герцен дважды возвращается к рассказу об этом митинге и своем участии в нем (Изд. АН, т. XI, стр. 165—166; 418—421. См. также в письмах к М. К. Рейхель от 11, 24 и 28 февраля и к Мишле от 2 марта 1855 г. — VIII, 135—136, 140—141, 154—155, 156—157).

³ Бургграф — в средневековой Германии начальник города. В 1840—1850-х годах, под впечатлением драмы В. Гюго «Бургграфы», впервые поставленной на сцене в 1843 г., это слово употреблялось во Франции в ироническом смысле. Бургграфами называли крупных политических деятелей, закоспенелых в своих взглядах, склонных рассматривать свою страну как сюзеренную собственность, диктовать ей свои законы и навязывать пути развития.

* овацию (лат.)

** Игра слов: «Grisi» — знаменитая певица, «grisé» — пьян.

⁴ Вероятно, Эли Реклю (1827—1909) — старший брат Элизе Реклю, известный этнограф. После наполеоновского переворота оба брата были вынуждены покинуть Францию и эмигрировали в Англию. В 1853 г. Элизе уехал в Америку, где пробыл до 1857 г. Эли же оставался в Англии по 1855 г. включительно и жил в Лондоне и Дублине.

⁵ Таландые выступил с горячей защитой социализма и с призывом к борьбе за «социальную республику». Речь его напечатана по-русски в изданной Герценом брошюре: «27 февраля 1855 г. Народный сход в память переворота 1848 в St. Martin's Hall, Long Acre, в Лондоне». Лондон, Вольная русская книгопечатня, 1855.

⁶ Герцен говорит о своем протесте, посланном в редакцию «The Morning Advertiser» и напечатанном в этой газете 15 февраля 1855 г., в № 19861 (см. VIII, 136—138) Ср. «Былое и думы» (Изд. АН, т. XI, стр. 418—419) и письмо к М. К. Рейхель от 18 февраля 1855 г. (VIII, 138—139).

Головин утверждал будто бы Герцен не русский по происхождению и не имеет, следовательно, права выступать на международном митинге как представитель русского народа. Против этого и протестовал Герцен, рассказав, кто был его отец.

⁷ Эрнст Джонс (1819—1869) — один из крупнейших руководителей чартистского движения, редактор газеты «The Peoples Paper». Опровержение Джонса было помещено в этой газете 18 февраля 1855 г., а Международного комитета — в «Daily News» 20 февраля 1855 г. (см. VIII, 139—140; Изд. АН, т. XI, стр. 419—421). И сам Джонс, и Международный комитет, председателем которого он состоял, отстаивали право Герцена представлять на митинге от лица русской демократии.

⁸ Речи были напечатаны по-английски в «Peoples Paper» 5 марта 1855 г. и по-французски в «L'Homme», №№ 14 и 15 от 7 и 14 марта 1855 г.

⁹ Первый том «Histoire de France au seizième siècle. Renaissance. Par J. Michelet». Paris, 1855 («История Франции шестнадцатого века. Возрождение»). Герцен очень высоко ценил этот труд Мишле. Он посвятил ему восторженную статью в первой книжке «Полярной звезды на 1855 год» и организовал отзывы о книге в европейской и американской прессе (ср. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 277—278 и в настоящем томе, в публикации писем к Пульскому).

¹⁰ На обороте письма — записи рукой Саффи, к письму отношения не имеющие.

9

6 mars <1855>. Twickenham. Richmond house

La grandissime nouvelle, cher ami, de la mort de Nicolas, a une immense importance pour le monde slave. Il est impossible de continuer le despotisme russe, guerre ou paix — *mais il faut* relacher les brides ou l'édifice entier s'écroulera. Je pense qu'avec Alexandre on aura la paix, si ont veut la faire sans avoir pris Sébastopol. On n'entend pas un mot de Constantin ¹ — je le crains. Le faible Alexandre sera peut-être plus maniable.

La mort de ce cauchemar m'a rendu jeune, j'ai immensément d'espérances.

Venez nous voir. Nous quittons la maison le 1 avril.

Je vous serre la main

A. Herzen

Je n'ai pas encore vu le discours, imprimé. Dès que je<le>verrai je vous <l'>enverrai ².

Перевод:

6 марта <1855 г.>. Твикенгем.
Richmond house

Дорогой друг, величайшая новость о смерти Николая имеет важнейшее значение для славянского мира. Невозможно сохранять дальше русский деспотизм; война или мир — *все равно нужно* ослабить поводья, иначе все сооружение рухнет. Я думаю, что при Александре будет заключен мир, если согласится его заключить не взят Севастополя. Ни слова не слышно о Константине ¹ — я его побаиваюсь. Слабохарактерный Александр, вероятно, будет более податлив.

Конец этого кошмара заставил меня помолодеть, я преисполнен надежд.

Навестите нас. Мы переезжаем 1 апреля.

Жму вашу руку.

А. Герцен

Я еще не видел вашей речи в печати. Как только увижу, пришло ее вам ².

¹ Константин Николаевич (1827—1892) — вел. кн., младший брат Александра II. Почему Герцен «побаивался» Константина — не ясно. Возможно, что он опасался его влияния на слабохарактерного царя, не зная еще, каково будет это влияние. В письме к Прудону от 24—31 июля 1855 г. Герцен писал: «Александр колеблется между Нессельроде и Ермоловым, между своим братом Константином и стайей немецких родственников. Он добр, он слаб...» (VIII, 198). Однако Константин стал вскоре известен как сторонник крестьянской и других реформ нового царствования.

² См. примеч. 8 к предыдущему письму.

10

16 mars <1855>. Twickenham. Richmond l'ouse

Cher ami,

Je reste jusqu'au 1 avril dans cette maison. Après je déménagerai dans les environs entre Mortlake et Hampton Court. Vers l'automne j'inventerai quelque petit voyage.

Je vous attends donc vers la fin du mois — et je vous prépare la même chambre avec Marie Antoinette (*in effigia*). Avez-vous <vu> quelle stupide et insolente préambule à votre discours et à celui de Talandier a fait *l'Homme*? Je veux en écrire à Pianciani ¹ qui est maintenant le père de *l'Homme*. A propos, votre discours s'imprime en russe ².

N'oubliez pas de grâce d'écrire l'article sur le livre de Michelet — je lui ai dit que vous me l'aviez promis — il vous remercie beaucoup ³.

6 Mars Twickenham
Richmond l'ouse.

Le grand-père nouveau, cher
ami, et la mère de Nicolas, ont
une immense importance pour
le monde slave. Il est impossible
de continuer le despotisme russe,
qu'on ou pas. — moi-même pour
relancer les bris de l'empire
entier. Je pense
que l'ami Alexandre ou autre
ami, si on veut le faire tout
avec pris d'habileté. On
s'entend par un mot de l'habileté
— je le crois. Le fait est que
les plus être plus nouvelle
la mort de la lauchmanne
n'a rendu finies. J'ai immense
ment d'espérance.

Vous avez vu *Mon quinqu*
le jour le 1 Avril.
Je vous aime le plus
d'amour

АРТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА
К АВРЕЛИЮ САФФИ
ОТ 6 МАРТА 1855 г.

Музей Центральной библиотеки
Risorgimento, Рим

Tous les ducs de l'anarchie, les princes de la révolution et les archevêques de l'égalité — sont encore furieux du meeting. Oh! petits Nicolas... Oh! petits Pie VIII + 1/2!

Adieu. A. Herzen

Перевод:

16 марта <1855 г.>. Твиннгем.
Richmond house

Дорогой друг,

Я останусь здесь до 1 апреля. Затем поселюсь где-нибудь в окрестностях между Mortlake и Hampton Court. А осенью предприиму какое-нибудь небольшое путешествие.

Итак, жду вас в конце месяца и готовлю вам ту же самую комнату с Марией Антуанеттой (in effigia *). Видели ли вы, какое дурацкое и наглое предисловие к вашей речи и речи Таландые поместил «L'Homme»? Я хочу написать об этом Пианччани ¹, который является теперь отцом «L'Homme». Между прочим, ваша речь печатается по-русски ².

Не забудьте, ради бога, написать статью о книге Мишле, — я уже сказал ему, что вы обещали, — он вас горячо благодарит ³.

Все короли анархии, князья революции и архиепископы равенства до сих пор еще злобствуют по поводу митинга. О! маленькие Николай... О! маленькие Пии VIII + 1/2!

Прощайте.

А. Герцен

¹ См. письмо к Пианччани № 18 и примеч. 2 к этому письму.

² Речь Саффи напечатана по-русски в брошюре «27 февраля 1855. Народный сход в память переворота 1848 года», стр. 48—60. См. примеч. 5 к письму № 8.

³ 2 марта 1855 г. Герцен писал Мишле: «Четыре человека, более чем выдающихся, обещали писать статьи. Саффи (один из бывших римских триумвиров), Пульский (венгерец, друг Кошута), Э. Джонс (глава чартистов, друг О'Коннора) и В. Линтон» (VIII, 156).

11

14 avril <1855>. Samedi. Richmond.
Cholmondeley Lodge

Cher ami,

Je vous embrasse pour votre bon billet et plus encore pour votre amitié, que pour les nouvelles que vous me donnez. Vous appartenez à ce tout petit nombre d'hommes qui ont l'amitié active. Moi je déteste les sentiments passifs, le platonisme dans l'amour (après 18 ans), l'apathie dans l'amitié — et c'est pour cela aussi que je tiens ma rencontre avec vous comme une des consolations de mon existence tronquée.

Les rhumatismes ne me quittent pas — j'ai voulu aller aujourd'hui à Londres, mais je n'irai pas. Peut-être je n'irai pas du tout avant mercredi.

J'écirai à Ashurst¹ et aussi à Carlyle qui m'a écrit une assez longue lettre². Tranquillisez-moi concernant la santé de Campanella³ — et adieu.

Tout à vous

A. Herzen

On dit que Pianciani va arriver aujourd'hui.

Et les amis de l'Italie? — c'est dans l'Homme que j'ai lu leur héroïque conduite⁴. Mazzini dit dans sa lettre que toute la faute est à l'«athéisme et au matérialisme», mais c'est une maladie chez lui.

Si Dieu a noyé la terre —

C'est la faute de Voltaire,

S'il a lâché beaucoup d'eau —

C'est la faute de Rousseau! ⁵

Mais les Anglais sont κατ'ἑξοχήν les chrétiens, les ultra-déistes, les théo-manes, piétistes etc.

* на портрете (лат.).

Перевод:

14 апреля (1855 г.). Суббота. Ричмонд.
Chelmondeley Lodge

Дорогой друг,

Обнимаю вас за вашу милую записку и за новости, которые вы мне сообщаете, а еще более за вашу дружбу. Вы принадлежите к очень небольшому числу людей, отличающихся деятельной дружбой. Я ненавижу вялые чувства, платонизм в любви (после 18 лет), равнодушие в дружбе и потому особенно ценю мою встречу с вами, какою из утешений моей искаленной жизни.

Ревматизм у меня не проходит; я собирался ехать сегодня в Лондон, но не поеду. Может быть, и совсем не поеду до среды.

Я напишу Ашерсту¹, а также Карлейлю, который прислал мне довольно длинное письмо².

Успокойте меня насчет здоровья Кампанеллы³ и — до свиданья.

Весь ваш

А. Герцен

Говорят, что сегодня приедет Пиянчани.

А друзья Италии? — я прочел в «L'Номме» об их героическом поведении⁴. Маццини говорит в своем письме, что во всем виноваты «атеизм и материализм», но это уж его больное место.

Если бог затопил землю,
Это вина Вольтера;
Если он залил все водой,
Это вина Руссо⁵.

Но ведь англичане-то христиане κατ'εξοχήν*, они ультрадеисты, теоманы, ниетисты и т. д.

¹ Вильям-Генри Ашерст (1792—1855) — лондонский адвокат. Был связан со многими политическими эмигрантами, друг Маццини. Герцен познакомился с Ашерстом вскоре по приезде в Лондон и в дальнейшем поддерживал это знакомство. Упоминаемое письмо Герцена к Ашерсту не известно.

² Имеется в виду письмо Карлейля от 13 апреля 1855 г. Герцен ответил ему в тот же день (14 апреля), когда писал Саффи. Свою переписку с Карлейлем Герцен опубликовал в V кн. «Полярной звезды», 1859 (ср. «Лит. наследство», т. 61, стр. 229—232).

³ О Федерико Кампанелле см. примеч. 7 к письму № 4.

⁴ «Друзья Италии» — «Society of the Friends of Italy» («Общество друзей Италии»), английское общество помощи итальянскому освободительному движению. Было организовано Маццини совместно с Ашерстом в 1852 г. В обстановке Восточной войны деятельность Общества, ставившего себе целью поддержку Италии в борьбе против австрийского ига, оказалась в противоречии с политикой английского правительства, искавшего союза с Австрией. В марте 1855 г. общество объявило, что оно приостанавливает свои занятия; фактически это означало его самороспуск. «L'Номме» поместила обращение Маццини, направленное в связи с этим председателю общества. В редакционной заметке, предпосланной обращению, газета язвительно объясняет мотивы, побудившие «Друзей Италии» прекратить свое существование. По словам газеты, общество закрылось, дабы «не вредить правительству, вовлеченному в бесценный союз с Австрией». Письмо Маццини выявляет реакционную сущность английской политики и призывает английский народ отказаться от дружбы с Австрией («L'Номме», 1855, № 19 от 11 апреля). Этот номер газеты и упоминается Герценом. Выражение «героическое поведение» «Друзей Италии» употреблено им иронически.

⁵ «Атеизм и материализм» — перефразированные слова Маццини из обращения к «Друзьям Италии», в котором тот называл английское правительство «политическими атеистами», «адептами материалистической школы» и т. д. Стихотворение, цитируемое Герценом, высмеивающее французских реакционеров, видевших во всем «вредное влияние» Вольтера и Руссо, вошло во французскую речь как поговорка. Оно употребляется, чтобы подчеркнуть предвзятость и нелепость какого-либо обвинения. Встречается во многих французских письмах Герцена.

* по преимуществу (греч.).

Richmond. Entre 1 et 15 juin 1855). Jeudi

Cher Saffi — vous pouvez penser que j'ai la chaude écriture — car j'écris à chaque instant — mais voilà l'affaire.

Voulez-vous passer follement une soirée? — Après un semestre d'Oxford et un autre de Richmond — c'est même nécessaire. Dans ce cas venez demain, vendredi, entre 7 et 8 du soir chez *Epitiaux* — café français sous les arcades de Pall-Mall, j'y serai, ou vous m'attendrez en vous consolant de mon absence par l'absinthe. De là nous irons à Saint-James théâtre voir Levasseur¹ qui me faisait rire jusqu'à la cholérine à Paris. De là — promenade nocturne à Richmond. Après minuit je vous garantis — *samedi*, le jour où vous avez voulu venir.

Si je reste à Londres sans vous voir, je viendrai vous réveiller à 8 heures du matin. Si vous couchez avec des êtres du sexe des Campanella et Mazzoleni²... Sinon — non.

Et dans tous les cas — samedi à 2 h(eures) ou à 1. Vous viendrez. N'est-ce pas?

Перевод:

Richmond. Между 1 и 15 июня 1855 г.). Четверг

Дорогой Саффи, вы можете подумать, что у меня руки чешутся, так как я пишу вам ежеминутно, но вот в чем дело.

Хотите весело провести вечер? — После семестра в Оксфорде и второго в Ричмонде это просто необходимо. В таком случае приходите завтра, в пятницу между 7 и 8 вечера в «Эпито» — французское кафе под сводами Pall-Mall, я буду там или же вы меня подождете, утешаясь абсентом в мое отсутствие. Потом мы отправимся в Сент-Джемский театр смотреть Левассора¹, который в Париже смешил меня до колик. Потом — ночная прогулка в Ричмонд. После полуночи, ручаюсь вам, — наступит *суббота*, день, когда вы хотели приехать.

Если мне не удастся повидать вас в Лондоне, я приду разбудить вас в 8 часов утра. Если только вы ночуете с особами того же пола, что Кампанелла и Маццолени²... Если же нет, то не приду.

И во всяком случае — в субботу в 2 ч(аса) или в час. Вы приедете, неправда ли?

¹ Пьер Левассор (Levassor, 1808—1870) — французский комический актер. Его гастроли начались в Лондоне в первых числах июня 1855 г., что и служит основанием для датировки письма. Характеристика актерского мастерства Левассора дана Герценом в «Письмах из Франции и Италии» (см. изд. АН, т. V, стр. 54—55).

² См. примеч. 7 к письму № 4.

25 juin <1855>. Cholmondeley Lodge. Richmond

Cher ami,

Vous m'avez fait un grand plaisir par votre petite lettre, je commençais à vous en vouloir pour votre silence, d'autant plus que ce silence était précédé par votre départ criminel de Londres à Oxford — sans me voir. «Lui écrirai-je ou non?» — je me le demandais dix fois — et là commence déjà ma faute.

Je vous attends à Richmond, prévenez-moi 24 h(eures) d'avance, je viendrai aussi très volontiers dans Radnor Street.

Rien de grave chez moi — comme toujours je ris de dépit, je ris de caprice et avec chaque jour je méprise plus profondément les hommes, c'est à dire — non pas les hommes — mais moi-même pour avoir eu pendant 43 ans une opinion trop favorable d'eux. Figurez-vous qu'Engelson — pour une observation générale faite par moi, a non seulement brisé tous les rapports, avec moi — mais il est devenu un accusateur acharné, un calomniateur, un

ЛОНДОН РИДЖЕНТ СТРИТ

Автолитография Т.-С. Бойса, 1842 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

ЛОНДОН. УЛИЦА ПЭЛ-МЭЛ

Автолитография Т.-С. Бойса, 1842 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

ennemi enragé¹. Je laisse, si cela vous intéresse sous le rapport pathologique, à m-selle Meysenbug ou à Domengé vous raconter cette chose qui m'a stupéfié. Encore une leçon...

La grande philosophie — vous l'avez en partie — c'est de savoir être seul et vivre l'*«omnia mea mecum porto»*. C'est dur — mais qui nous a promis de l'édredon?

Seul — ou avoir un catholicisme quelconque, c'est à dire foi aveugle, penser chaque soir en se couchant qu'on se réveillera dans une république; alors la vie devient quelquefois orageuse — toujours facile et les deux chemins mènent — à Bedlam.

Hier c'était le 24 juin. Lugubre anniversaire de la seule lutte colossale et grande depuis 93².

Mais, mon Dieu, vous savez tout cela mieux que moi.

Adieu donc.

Quand est-ce que vous me commencerez à haïr et à me poursuivre?

Et l'animal de rédacteur avec l'article sur Michelet. Dites de grâce, est-ce décent d'être bête à l'anglaise. Et moi, j'ai déjà écrit à Michelet³.

Au revoir.

C'est aujourd'hui le jour de naissance d'Alexandre — 16 ans, et moi, vieux sceptique, j'existe encore.

Перевод:

25 июня <1855 г.>. Cholmondeley Lodge. Ричмонд

Дорогой друг,

Вы меня очень порадовали вашим письмом. Я уже начал было обижаться на ваше молчание, тем более, что ему предшествовал ваш преступный отъезд из Лондона в Оксфорд — вы уехали, не повидав меня. «Писать мне ему или нет?» — спрашивал я себя десятки раз — и тут уже начинается моя вина.

Я жду вас в Ричмонде, предупредите меня за сутки; я очень охотно приеду также на Radnor Street.

У меня ничего важного не произошло — как всегда, я смеюсь с досады, смеюсь, чтобы отвести душу, и с каждым днем все глубже презираю людей, то есть вернее не людей, а самого себя, за то, что целых 43 года был о них слишком высокого мнения. Представьте себе, что Энгельсон из-за какого-то моего замечания общего характера, — не только порвал со мной всякие отношения, но обратился в ожесточенного моего обвинителя, клеветника, яростного врага¹. Если вас это интересует с патологической точки зрения, я предоставляю м-ль Мейзенбург или Доманже рассказать вам этот поразивший меня случай. Еще один жизненный урок...

Высшая философия — вы отчасти ее достигли — это умение быть *одиноким* и да здравствует *«omnia mea mecum porto»**. Это жестко, да кто же сулил нам пуховики?

Или быть *одиноким* — или же утешаться каким-нибудь католичеством, то есть слепой верой, и каждый вечер, ложась спать, думать, что проснешься уже в республике; тогда жизнь становится порою бурной, всегда — легкой, и оба пути ведут в Бедлам.

Вчера было 24 июня. Мрачная годовщина единственной огромной и великой борьбы со времен 93 года².

Но, боже мой, вы же всё это знаете лучше меня!

Итак, прощайте.

Когда же и вы начнете меня ненавидеть и преследовать?

А что наделал этот болван редактор со статьей о Мишле! Скажите на милость, ну прилично ли быть глупым на английский лад? А я уже написал Мишле³.

До свидания.

Нынче день рождения Александра — 16 лет. А я-то старый скептик, все еще жив.

* «Все свое с собой ношу» (лат.).

БРОШЮРА «НАРОДНЫЙ СХОД
В ПАМЯТЬ ПЕРЕВОРОТА 1848»,
ИЗДАННАЯ ГЕРЦЕНОМ
ЛОНДОН, 1855

Русский перевод речей Герцена,
А. Саффи и А. Таландье на митинге
в St. Martin's Hall'е 27 февраля
1855 г. в Лондоне

Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, Москва

27 ФЕВРАЛЯ 1855 г.

НАРОДНЫЙ СХОДЪ

ВЪ ПАМЯТЬ ПЕРЕВОРОТА 1848

ST. MARTIN'S HALL, LONG ACRE,

ЛОНДОНЪ

"And, before all, let us thank our English friends! Above
the hospitality of the land,—of the fire,—of the bread,—
what we need most is, the hospitality of liberty,—of thought.
You have given us. Thank you, friends, thank you."

A. TALANDIER (27 Febr.)

ЛОНДОНЪ

БОЛЬШАЯ РУССКАЯ КНИГОПЕЧАТНЯ
82, Judd Street, Brunswick Square.

1855

¹ О разрыве Герцена с Энгельсоном см. «Былое и думы» (изд. АН, т. X, стр. 365—366); эпизод описан и у М. Мейзенбуг («Воспоминания идеалистки», Цит. изд., стр. 329—331). Под непосредственным впечатлением Герцен сообщал о происшедшем М. К. Рейхель: «...2-го мая мы сидели с Эн<гельсоном> утром и вспоминали 52 год; я ему рассказывал самые интимные происшествия; он слушал, тронутый и подтверждал. Пять дней после он пришел с заряженным пистолетом <...>, выдал меня за злодея, и все это без всякого другого повода, как из денег и зависти. Какие удивительные испытания судьба мне предоставила!» (VIII, 187).

² Годовщина восстания парижского пролетариата 23—26 июня 1848 г. Июньским дням с их жестокой расправой, учиненной правительственными войсками и буржуазной гвардией над рабочими, посвящены известные страницы «Писем из Франции и Италии», «С того берега», «Былого и дум». — 93 год — 1793 год, время установления якобинской диктатуры во Франции.

³ См. в письме к Саффи № 10, примеч. 3. Отзыв Саффи о книге Мишле был напечатан в первом июньском номере «Westminster Review», 1855 (см. VIII, 181). «Я передал Саффи ваше письмо, — писал Герцен Мишле 8 июля 1855 г. — С его статьей о *Renaissance* была долгая история (статья — совершенство; кроме того, манчестерский колледж пригласил Саффи прочитать курс об итальянской литературе XV века). Саффи хочет посвятить одну лекцию вашей книге <...> Редактор отказался напечатать конец, потому, я думаю, что нашел его *недостаточно христианским*, тогда как вся статья — совершенно *антихристианская*» (VIII, 191).

14

27 juin <1855>. Cholmondeley Lodge. Richmond

Cher ami, jamais aucune idée de doute n'est entrée à votre endroit dans mon cœur — je vous ai écrit¹ en plaisantant amèrement sur mon sort d'être abandonné comme Didon par mes *Enées* (et par mes *cadets*) sans avoir péché avec eux comme la défunte². Non, je vous aime et je vous crois — et cela m'est nécessaire, je me cramponne aux derniers sentiments qui me restent pour ne pas faire un potager stérile de toute mon existence.

Je vous attends après 1 heure... (ou quand?) samedi pour sûr; je vous lirai quelque chose qui, je crois, m'a réussi ³. J'ai assez travaillé. A propos, dans deux mois vous aurez en anglais 2 volumes de mes mémoires ⁴... raison de plus pour ne pas me perdre de la vôtre.

Je vous embrasse en frère.

A. Herzen

Перевод:

27 июня (1855 г.). Cholmondeley Lodge. Ричмонд.

Дорогой друг, никогда в моем сердце не было и тени сомнения относительно вас, — просто я писал вам ¹, горько насмехаясь над своей судьбой, над тем, что я покинут, как Дидона, своими Энеями * (и своими младшими), даже не успев согрешить с ними, как покойница ². Нет, я люблю вас и верю вам — и мне это необходимо; я цепляюсь за последние оставшиеся мне привязанности, чтобы вся моя жизнь не обратилась в бесплодную пустыню.

Жду вас после часа... (или когда?) в субботу непременно; я прочту вам одну вещь, которая, как будто, мне удалась ³. Я много поработал. Кстати, через два месяца вы получите в английском переводе 2 тома моих воспоминаний ⁴... лишнее основание чтобы не вычеркивать меня из своих.

Братски обнимаю вас.

A. Герцен

¹ Речь идет о предыдущем письме.

² Дидона — по преданию, основательница Карфагена. В «Энеиде» Вергилий рассказывает о встрече Энея с Дидоной, об их любви и самоубийстве Дидоны, покинутой Энеем.

³ Одна вещь — вероятно, статья «К нашим». Она датирована у Лемке 13/25 июля (см. VIII, 225), в первой книжке «Полярной звезды» — 6 августа 1855 г. Вполне возможно, однако, что Герцен работал над ней в июне, так как статья предназначалась для «Полярной звезды», которая должна была выйти 1 июля, но по каким-то причинам задержалась выходом и появилась лишь во второй половине августа. К этому же времени относится работа Герцена над отзывом о «Возрождении» Мишле, но едва ли он назвал бы отзыв «вещью».

⁴ Подразумевается английское издание «Тюрьмы и ссылки» («My Exile in Siberia») — вышло в начале октября 1855 г. «Я проследил с великим удовольствием критику или, точнее сказать, дань удивления английских журналов вашей книге. Я прочел ее всю <...> Это — творение, которое останется, в то время как все проходит, все вымирает в этом поверхностном и благом (от французского *blagueur* — насмешливый, хвастливый) веке. В вашей книге слово есть одновременно и мысль, и чувство, и действие, — вот секрет ее успеха», — писал Саффи Герцену о «Тюрьме и ссылке» 12 ноября 1855 г. (VIII, 242).

30 juillet (1855). Cholmondeley Lodge Richmond

Cher ami,

La lettre de Mazzini est déjà traduite, elle est très affectueuse. V(ictor) Hugo a écrit aussi dans le même genre. La lettre de Michelet va plus au fond. Proudhon a aussi écrit — mais la sienne est insérable ¹. Vous savez comme on fait dans les embarcadères la stricte distinction. Côté des dames — côté des hommes. C'est ainsi que la lettre de Pr(oudhon) est du côté «de la haine» — mais c'est un chef d'œuvre. Teodorani (?) m'a écrit, il veut imprimer quelque chose et demande de garantir pour lui etc. Il finit sa lettre en disant: «Je crois que votre amitié pour moi ne se trouvera pas en défaut». J'étais très content de savoir que j'avais tant d'amitié pour lui.

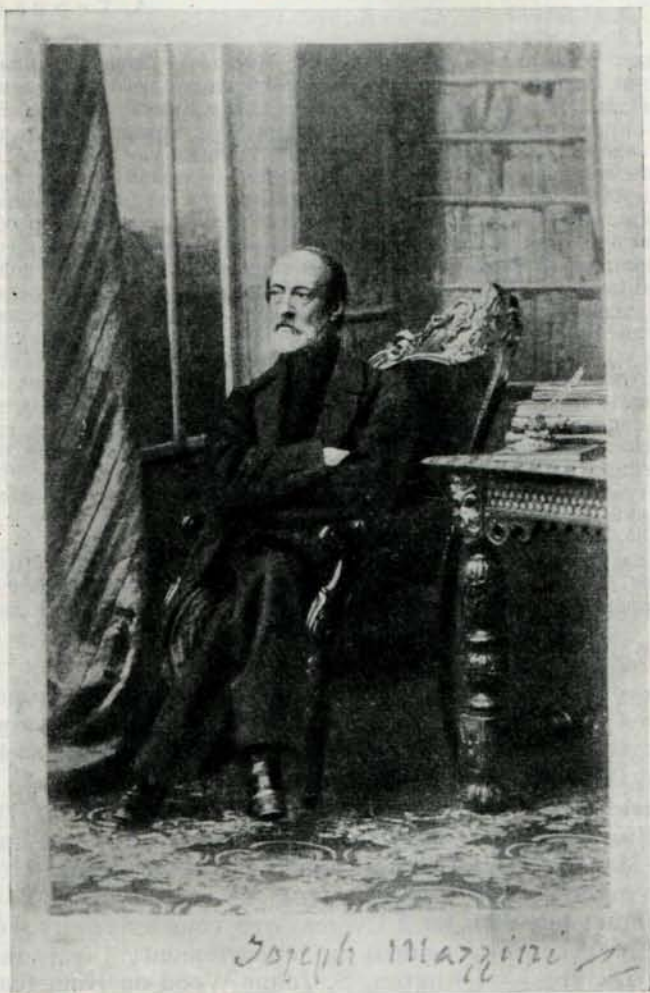
Il y a de Francfort 50 exemp(laires) de l'*Etoile Polaire* de commandés chez Trübner. Qu'en dites-vous?

* Игра слов: по-французски слова «Еnée» (Эней) и «aîné» (старший) звучат одинаково.

J'ai annoncé un article de vous, en vous nommant Marc-Aurèle — donc vous êtes engagé et compromis ².

Adieu. Rien de nouveau absolument. Tout à vous.

A. Herzen

ДЖУЗЕППЕ МАЦЦИНИ

Фотография из альбома А. М. Горчакова, 1860-е гг.

Центральный исторический архив, Москва

Перевод:

30 июля <1855 г.>, Cholmondeley Lodge, Ричмонд.

Дорогой друг,

Письмо Маццини уже переведено, оно очень сердечное. В<иктор> Гюго написал в том же роде. Письмо Мишле более глубоко по смыслу. Прудон тоже написал, но его письмо не для печати ¹. Знаете, это как на перроне, где строго разделено: с одной стороны для дам, с другой — для мужчин. А вот письмо Прудона... на стороне «ненависти», но это шедевр. Теодорани <?> пишет мне, что хочет кое-что напечатать и просит гарантировать ему и т. д. Он заканчивает письмо словами: «Рассчитываю здесь на вашу дружбу». Я был очень обрадован, узнав, что питаю к нему такую дружбу.

У Трюбнера есть заказ из Франкфурта на 50 экзempl<яров> «Полярной звезды». Что вы на это скажете?

Я уже поместил объявление о вашей статье, назвав вас Марком Аврелием — таким образом вы уже завербованы и скомпromетированы².

Прощайте. Нового решительно ничего. Весь ваш

А. Герцен

¹ Речь идет о письмах Гюго, Мадзини, Мишле и Прудона, присланных в ответ на приглашение Герцена поддержать своим сотрудничеством предпринятое им издание «Полярной звезды». Герцен напечатал эти письма в первой книжке «Полярной звезды» на 1855 г. — кроме письма Прудона, из которого он поместил лишь небольшой отрывок. Письмо содержало ряд неприемлемых для Герцена мыслей о России. Так, Прудон искал «тайных корней» русского самодержавия «в самом сердце русского народа», приписывал прогрессивную роль царю, придавал преувеличенное значение своеобразию русского исторического развития, отрывая тем самым Россию от общеевропейского революционного движения. Опубликованию письма препятствовали и соображения тактического порядка. Прудон ставил в этом письме вопрос о преодолении слабостей, присущих самим революционерам. «Не следует ли, — спрашивал он, — прежде чем нападать на деспотизм притеснителей, напасть на деспотизм освободителей?» — и предлагал Герцену союз для беспощадной борьбы «против предрассудков, хотя бы мы их встречали у наших единомышленников-братьев». В этом пункте Герцен был вполне согласен с Прудоном, благодаря этому письмо и заслужило от него название «шедевра». Однако помещать призыв к развернутой критике ошибочных взглядов и действий руководителей западноевропейской демократии, участием которых в создаваемом русском периодическом органе Герцен придавал такое большое значение, и при этом рядом с письмами самих этих руководителей, было, конечно, неуместно. Четыре года спустя Герцен опубликовал это письмо Прудона в своем переводе в разделе «Старые письма» (дополнение к «Былому и думам») в «Полярной звезде» на 1859 г. (см. изд. АН, т. XI, стр. 535—537).

² В списке материалов, намеченных для дальнейших книжек «Полярной звезды», указано: «Статья об итальянских республиках Марка Аврелия Саффи, одного из римских триумвиров» («Полярная звезда» на 1855 г.); статья эта в «Полярной звезде» не появилась.

16

15 novembre <1855>. Richmond.
Cholmondeley Lodge

Cher ami,

L'éditeur de mes livres n'a pas donné d'exempl<aires>, il a envoyé seulement 4—l'un est chez vous. Or donc je lui écris aujourd'hui de vous expédier pour Manchester un exemp<laire>¹, peut-être il aura la délicatesse de ne pas m'envoyer la note — s'il l'envoie, je vous le dirai.

J'ai certainement reçu les 2 liv<res> que vous aviez envoyés.

Je cherche avec acharnement un appartement, j'irai dans les landes sauvages de Londres — Islington, S. Johns Wood ou Hamstead. Je ne reste à Richmond que jusqu'au 5 décemb<re>. Est-ce que vous viendrez avant? — Plutôt ne venez pas avant le 29 nov embre>. C'est le jour des meetings pour la Pologne, pour Pyat, pour Jersey, pour le socialisme, pour le patriotisme — contre les trois patriarches del'Atlas². Je propose d'élire Filopanti (Quiricus) pour président³. Je ne prendrai pas de part active, vous pouvez en être sûr — mais je tremble pour les autres. L'affaire de Jersey va admirablement bien; quel démon les pousse donc de l'envenimer. Le meeting de S<aint> Martins Hall était bien arrangé — il y aura d'autres. C'est aux Anglais de s'élever contre les tentatives bonapartistes de Palmerston — et non aux réfugiés⁴. Domengé seul partage mon opinion... les Polonais socialistes commencent à me trouver froid, peu fraternel, n'aimant pas l'action, rongé de scepticisme, ulcéré de doutes, décomposé par l'individualisme, entamé par l'épicuréisme... Les Français disent: nous voyons que c'est bête — mais un républicain doit être *conséquent et solidaire*. Continuons la bêtise.

On dit, que Palmerston touché de tout cela veut proposer gratis la salle

de Bedlam — pour le meeting des *Aliénés* et après l'*Alien-bill* viendra de soi-même.

Adieu. Je suis très content que vos lectures ont réussi — est-ce qu'elles sont bonnes aussi par rapport au *vil métal*?

Toute la maison vous salue.

A. H e r z e n

Je n'ai jamais vu une adresse plus longue que la vôtre.

Madem<oiselle> Meysenbug connaît votre *Rev<erend>* Scott, elle l'a connu chez m-me Schwabe⁵, l'estime beaucoup et le salue.

П е р е в о д:

15 ноября <1855 г.>. Ричмонд.
Cholmondeley Lodge

Дорогой друг,

Издатель моих книг не дал мне экземп<яров>, он прислал только 4 — один из них у вас. Сегодня я прошу его в письме отправить вам в Манчестер один экземп<ляр>¹; может быть, у него хватит совести не посылать мне счета; — если же придет, я вас извещу.

Разумеется, я получил 2 фун<та>, которые вы мне послали.

Я упорно ищу квартиру; я отправлюсь в дикие окрестности Лондона — Islington, S. Johns Wood или Hamstead. В Ричмонде мы останемся только до 5 декаб<ря>. Может быть, соберетесь приехать раньше? Но раньше 29 ноя<бря> лучше не приезжайте. Это день митингов в защиту Польши, Пиа, Джерси, социализма, патриотизма — против трех патриархов Атласа². Я предлагаю выбрать председателем Филопанти (Квирико)³. Сам я не приму активного участия в выступлениях, — можете быть уверены, но я дрожу за других. С джерсийским делом все идет прекрасно. Какой злой дух подбивает их обострять положение? Митинг в S. Martin's Hall был хорошо организован. Будут и другие. Это уж дело англичан — восставать против бонапартистских затей Пальмерстона, а вовсе не изгнанников⁴. Один Доманже разделяет мое мнение... Польские социалисты уже находят, что я холоден, что во мне мало братских чувств, что я не люблю нашего дела, что я разведен скептицизмом, отравлен сомнениями, испорчен индивидуализмом, заражен эпикурейством... Французы говорят: мы сами видим, что это глупо, но республиканец обязан быть *последовательным и солидарным* — так будем же упорствовать в этой глупости.

Говорят, будто Пальмерстон, тронутый всем этим, хочет даром предложить залу в Бедламе для митинга *сумасшедших* и тогда билль об *иностранцах** появится сам собой.

Прощайте. Я очень рад, что ваши лекции прошли хорошо; также ли они удачны в отношении *презренного* металла?

Все мои домашние вам кланяются.

A. Г е р ц е н

Я никогда не видел более длинного адреса, чем ваш.

Мадем<узель> Мейзенбург знает вашего Rev<erend>** Скотта, она встречала его у г-жи Швабе, очень его уважает и шлет ему поклон⁶.

¹ Ответ на просьбу Саффи прислать ему в Манчестер, где он читал тогда лекции, помимо полученного в подарок от Герцена, еще один экземпляр английского перевода «Тюрьмы и ссылки». Саффи хотел преподнести книгу своим знакомым англичанам. См. письмо Саффи от 12 ноября 1855 г. (VIII, 242).

² 29 ноября эмиграция отмечала обычно годовщину польского восстания 1830 г. В 1855 г. в этот день в Лондоне состоялось два митинга: один, организованный польской

* Игра слов: «aliéné» (франц.) — сумасшедший, «alien» (англ.) — иностранец

** достопочтенного (англ.).

«Централизацией», другой — польскими социалистами и Международным комитетом. На митингах, помимо резолюции по польскому вопросу, были вынесены резолюции протеста против изгнания эмигрантов с острова Джерси, высланных оттуда за опубликование в «L'Homme» статьи Ф. Пиа, осуждавшей союз Англии с бонапартистской Францией и содержавшей выпады против королевы Виктории («L'Homme», № 45 от 10 октября 1855 г. См. также ниже вступительную статью к письмам Герцена к Пианциани). Мы видим, таким образом, что Герцен был хорошо осведомлен о предстоящих 29 ноября выступлениях. «Тремя патриархами Атласа» он называет Мадзини, Кошута и Ледрю-Роллена; критике подвергалось их «обращение к республиканцам» (см. в письме к Пианциани № 28). «Атлас» — газета Кошута.

³ *Филопанти Квирико* (Filoranti Quirico) — псевдоним Джузеппе Барилли (Barilli, 1812—1894), итальянского политического деятеля, писателя и ученого. Филопанти — участник итальянского освободительного движения, секретарь римского учредительного собрания и триумvirата (1849 г.); 1850-е годы провел в эмиграции.

⁴ Речь идет о митинге, состоявшемся 13 ноября 1855 г. в Сен Мартинс Холле в Лондоне. Митинг был организован англичанами в знак протеста против высылки эмигрантов с Джерси и нарушения традиционного английского права убежища. Джерсийские события объяснялись английской прогрессивной общественностью нажимом со стороны Наполеона III. Митинги в защиту джерсийских изгнанных происходили в те дни в Нью-Кестле и других городах Англии. Сами англичане «восставали», — как говорит Герцен, — против бонапартистских затей Пальмерстона, тогда премьер-министра Англии. Наряду с этим консервативная газета «Times» требовала репрессивных мер против эмигрантов — «билля против иностранцев».

⁵ *Скотт* — директор одного из манчестерских колледжей. Для Скотта предназначался экземпляр английского перевода «Тюрьмы и ссылки», о котором просил Саффи (см. примеч. 1). Г-жа *Швабе* (Salis-Schwabe) — жена крупного английского промышленника, немца по происхождению.

⁶ На обороте письма — запись рукой Саффи, к письму отношения не имеющая.

17

I Peterborough villas. Finchley. New Road.
<Londres.> 17 décembre <1855>

Vous savez, cher Saffi, que l'indépendance jusqu'à l'exagération est mon idéal, en amitié comme en toute chose, or donc j'accepte de bon cœur votre refus. Mais il faut que cela reste entre nous. L'idée de vous inviter ne m'appartient pas à moi seul; il faut donc que je dise quelque chose — je dirai que vous étiez encore à Manchester etc.

Maintenant je m'en vais vous expliquer quel sens aurait eu votre signature. Je suis sûr que l'accusation est sortie de la forgerie Ledru-Rollin et Cie. C'est une vengeance. Votre nom comme ami de Mazzini aurait eu tout le sens d'une protestation. Comme le nom d'un homme saintement pur et jamais attaqué — il aurait donné une grande sanction à la chose¹.

L'absence de l'opinion publique est une des plaies les plus terribles du parti révolutionnaire. Je pense que c'est légal, que c'est nécessaire de ne pas tolérer dans le parti des canailles, et de défendre collectivement les hommes purs.

Tout cela n'existe pas, notre parti n'a aucun sens moral. Les résultats en sont — que Golovine a été toléré par tout le monde ici, et a reçu des lettres de recommandation pour New-York. Et que Talandier parce qu'il ose attaquer 1/3 de la Trimourti est vilipendé. Le *Morning Advert(iser)* insinue des choses du même aloi contre moi — c'est plus que possible que c'est le même Golov(ine). Puis-je répondre?.. Heureusement une dame s'est trouvée qui a pris la parole (Miss Reeve) en ma faveur².

C'est toujours mon ancienne idée du tribunal à nous qui me rôde dans la tête. Nous ne l'avons pas parce que nous ne formons pas de parti, nous ne sommes pas les parties d'un organisme vivant — mais porteurs d'une idée morte, d'un cadavre.

Avez-vous lu l'adresse de Mazz(ini) et Kos(suth) aux Polonais — où on parle de la «Sainte guerre»... et de la «faiblesse»... et les Polonais... la mort... la mort...³

Venez donc passer les fêtes à Londres.

A. H e r z e n

Перевод:

I Peterborough villas. Finchley. New Road
 <Лондон.> 17 декабря <1855 г.>

Вы знаете, дорогой Саффи, что независимость, доведенная даже до крайности, — мой идеал в дружбе, как и во всем, и поэтому я охотно принимаю ваш отказ. Но пусть это останется между нами. Мысль пригласить вас принадлежит не мне одному, и мне надо выдумать какую-нибудь отговорку — я скажу, что вы все еще в Манчестере и т. п.

Теперь я объясню вам, какое значение имела бы ваша подпись. Я убежден, что обвинение вышло из кузницы Ледрю-Роллена и К⁰. Это месть. Ваше имя, как друга Маццини, имело бы значение протеста. Как имя человека, кристально чистого и ничем не запятнанного, оно придало бы больший вес этому делу¹.

Отсутствие общественного мнения — одна из самых страшных ран революционной партии. Я считаю вполне законным и необходимым не терпеть в партии негодяев и защищать сообща людей чистых.

Ничего этого нет, наша партия совершенно лишена нравственного чувства. Результаты таковы, что Головина здесь все терпели и он получил рекомендательные письма в Нью-Йорк. А Таландые за то, что он посмел нападать на одну треть Тримурти*, смешали с грязью. «Morning Advert(iser)» распространяет обо мне клевету того же сорта — более чем вероятно, что это все тот же Голов(ин). Могу ли я отвечать?... К счастью, нашла дама (мисс Рив), которая выступила в мою защиту².

У меня не выходит из головы давнишняя моя мысль о нашем собственном трибунале. У нас его нет, потому что мы не составляем партии, мы являемся не частями живого организма, а носителями мертвой идеи — трупа.

Читали ли вы обращение Мацц(ини) и Кош(ута) к полякам, где говорится о «Священной войне»... и о «слабости»... и поляки... смерть... смерть...³

Приезжайте же на праздники в Лондон.

А. Герцен

¹ Об этом инциденте см. вступительную статью к публикуемым письмам. Возможно, что Герцен просил Саффи подписать протест Международного комитета, выступившего в защиту Таландые. Протест был направлен в редакцию «L'Homme», но в печати не появился. Газета ограничилась сообщением о его получении и своей полной с ним солидарности («L'Homme», № 52 от 7 декабря 1855 г.). Что касается отказа Саффи участвовать в защите Таландые, то тут, очевидно, сказалось влияние Маццини. Он указывал Саффи, что тот недостаточно знает Таландые и не может «по советам» за него поручиться, а «твое имя», писал он, дало бы повод думать, что «ты от нас отходишь» («Lettere di Giuseppe Mazzini ad Aurelio Saffi e alla famiglia Crauford». Roma. Milano, 1905. Письмо условно датировано в этом издании «лето, 1855 г.»).

² Речь идет о клеветнических нападках газеты «The Morning Advertiser», поводом для которых послужило название английского перевода «Тюрьмы и ссылки» — «My Exile in Siberia» («Моя ссылка в Сибирь»), проставленное издателями книги без ведома Герцена. Газета утверждала, будто Герцен назвал книгу «Ссылкой в Сибирь» (где он никогда не был) в рекламных целях и вводил в заблуждение читателей (см. изд. АН, т. XI, стр. 166—167). Статья в защиту Герцена появилась в той же газете от 6 декабря 1855 г. и не только опровергала возводившиеся на Герцена обвинения, но давала высокую оценку его книге. Она подписана псевдонимом «Довольный, а не обманутый». Автор ее до настоящего времени оставался неизвестным и устанавливается здесь впервые (ср. «Лит. наследство», т. 63, 1955, стр. 810—811). Эмилия Рив — друг и почитательница Герцена (см. о ней «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 256—258).

³ Герцен имеет в виду обращение Маццини, Кошута и Ледрю-Роллена к полякам по случаю годовщины польской революции 1830 г. Обращение было прочтано 29 ноября 1855 г. на митинге в St. Martin's Hall'e, посвященном этой годовщине. Напечатано в «L'Homme», № 52, от 7 декабря 1855 г. Авторы отмечают неблагоприятную обстановку, сложившуюся в Англии для дела освобождения Польши. Английское правительство, говорилось в обращении, встав на ложный путь, посылает своих сыновей гибнуть в бессмысленной войне, и война эта не сулит Польше освобождения. Полякам не следует принимать в ней участие. «Лучшая надежда Польши — сама Польша...»

* Тримурти—индусская тройца: Брама, Вишна, Сиву.— *Ред.*

<Londres.> 14 mai 1856.

I Peterborough villas. Finchley. New Road

Cher ami,

Est-ce que vous savez qu'il y a cinq mois que vous n'avez pas pensé à moi. Je vous boude un peu pour cela et je vous écrirai une lettre très longue pour vous fatiguer, car j'ai beaucoup à vous raconter. Ma vie s'est complètement changée. Le 9 avril est arrivé à Londres Ogareff — l'ami duquel j'ai tant parlé, duquel j'ai écrit dans mes mémoires, enfin le poète dont q<uel><q<ues> poésies ont été traduites par moi à Richmond house. Il est arrivé terriblement malade — et j'étais complètement absorbé par sa maladie, enfin cela va mieux. Deville¹ espère beaucoup et je respire plus librement et je veux parler avec vous — car écrivez-moi ou non, je sais que vous m'aimez et prenez part à tout ce qui me concerne.

Cet homme est resté l'ami de l'enfance, de la jeunesse, de la prison etc. — nous sommes entrés (comme j'ai écrit) ensemble, main en main, dans la vie, je l'appelai pour sortir ensemble² — et je le trouve tel qu'il a été. Savez-vous qu'au bout du compte il n'y a qu'un seul sentiment qui peut traverser la vie d'un bout à l'autre — c'est l'amitié. C'est à dire dans le cas d'un développement parallèle.

On dit que vous êtes professeur — mais où, comment — je n'en sais rien. C'est Plattenauer³ qui me l'a dit et m-me Carlyle⁴ — qui a définitivement désappris toutes les langues de terre ferme; je l'ai rencontrée au concert de je ne sais qui.

Et que dites-vous de la paix faite en faveur de la Russie par ses ennemis. La Turquie et la Belgique payant les pots cassés...⁵ L'humanaille se surpasse. Ici on a défendu la musique dans les parcs — et, pauvres rêveurs, nous pensons encore aux Républiques et aux Démoc-sociés. Oui, donnez le suffrage universel à ces oranges-outangs baptisés — vous en sentirez bieu vite les fruits.

Quels sont vos projets pour l'été? Moi je pense plus fortement que jamais d'ajouter au plaisir d'avoir vu l'Angleterre — le bonheur de la quitter. Mais pas avant trois mois. J'irai en Suisse — et je verrai ce qu'il y a à faire dans ma patrie № 2⁶.

Les nouvelles de la Russie sont excellentes. Cela marche, cela marche et le gouvernement est involontairement entraîné dans une série de remue-ménage — qui le débordront un jour.

J'attendrai bien vite un mot de votre part; je me régale déjà par anticipation de votre connaissance future avec Ogareff. Il parle quatre fois moins que vous — vous pouvez donc sympathiquement rien dire l'un à l'autre — je me charge de la besogne des speeches.

Adieu, cher Saffi, tout le monde vous salue. Les enfants vont bien, pourtant Olga a une grippe... mais ce monstre, cet assassin, ce forçat de climat — c'est un animal insulaire et insultant.

Pinto a été ici.

Tout à vous

A. H e r z e n

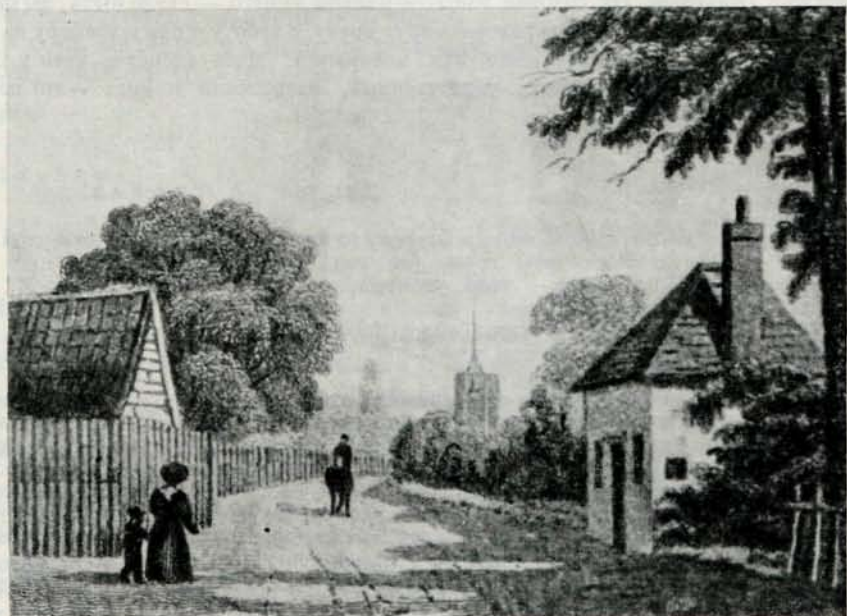
П е р е в о д :

<Лондон.> 14 мая 1856 г.

I Peterborough villas. Finchley. New Road

Дорогой друг,

Знаете ли вы, что уже целых пять месяцев вы и не вспомнили обо мне? Я немного сердит на вас за это, и, чтобы вам досадить, напишу вам длинное письмо, ибо мне много надо вам сообщить. Жизнь моя совершенно изменилась: 9 апреля в Лондон приехал Огарев, друг, о котором я столько рассказывал и писал в своих воспоминаниях, — словом, тот поэт, чьи стихотворения я переводил в Richmond house. Он приехал тяжело

ПУТНЕЙ

Гравюры из книги: «National History and Views of London and its Environs». 1835

В Путнее «между Ричмондом и Лондоном» Герцен жил с 8 сентября 1856
по 24 ноября 1858 г.

больной, и я всецело был поглощен его болезнью; теперь ему, наконец, лучше. Девиль¹ сильно надеется на выздоровление, и я уже могу вздохнуть свободно и хочу побеседовать с вами, ибо, пишете вы или нет, я знаю, что вы меня любите и принимаете участие во всем, что меня касается.

Этот человек был и остался другом детства, юности, тюрьмы и т. д.; вместе, как я писал, рука в руку, входили мы в жизнь, и я звал его вместе выйти из нее², — я нашел его таким же, каким он был. Знаете ли, ведь в конечном счете только одно чувство может пройти через всю жизнь с начала до конца — это дружба. Конечно, при условии параллельного развития.

Говорят, вы теперь преподаете, но где, как? — я ничего не знаю. Мне сказали об этом Платтенауер³ и г-жа Карлейль⁴, которая окончательно забыла все языки континента; я встретил ее на чем-то концерте.

А что вы скажете о благоприятном для России мире, заключенном ее врагами? Турция и Бельгия возместят все убытки⁵. Человекообразное превзошло самое себя. Здесь запретили музыку в парках, — а мы, бедные мечтатели, мы все еще думаем о республиках и демосоциях. Да, дайте всеобщее избирательное право этим крещеным орангутангам, и вы скоро увидите плоды.

Каковы ваши планы на лето? Я больше чем когда-либо подумываю о том, не добавить ли к удовольствию познакомиться с Англией — счастье ее покинуть. Но не ранее, чем через три месяца. Я поеду в Швейцарию и посмотрю, что можно делать в моем отечестве № 2⁶.

Новости из России превосходны. Дело движется, движется, и правительство против воли оказывается втянутым в перестройки, которые когда-нибудь его доканают.

В скором времени жду от вас весточки; я уже заранее предвкушаю ваше будущее знакомство с Огаревым. Он говорит вчетверо меньше вашего — стало быть, вы можете из взаимной симпатии ни слова не говорить друг другу, а заботу о спичах я беру на себя.

Прощайте, дорогой Саффи, все вам кланяются. Дети здоровы, хотя у Ольги грипп... но здешний чудовищный, убийственный, каторжный климат — это островной и оскорбляющий зверь*.

Здесь был Пинто⁷.

Весь ваш А. Герцен

¹ Девиль — врач.

² Цитируются слова, обращенные к Огареву из части первой, главы четвертой «Былого и дум» — «Ник и Воробьевы горы» (см. изд. АН, т. VIII, стр. 84).

³ Платтенауер (Платнауэр) — лицо, упоминаемое в переписке Герцена с М. Мейзенбугом (см. XXII, по указателю).

⁴ Джейн Уэлш Карлейль — жена Томаса Карлейля. Герцен познакомился с Карлейлями вскоре по приезде в Лондон и поддерживал это знакомство (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 229—232).

⁵ Мирные условия, принятые на Парижском конгрессе, были, как известно, не слишком тяжелыми для России, потерпевшей поражение в Крымской войне. Турция же не только ничего не приобрела от победы, но, истощив в войне свои и без того слабые материальные и людские силы, попала в еще большую зависимость от великих европейских держав. Что касается Бельгии, то Герцен имеет, вероятно, в виду притязания на господство над Бельгией, а в дальнейшем и на аннексию ее со стороны бонапартистской Франции, усилившей, благодаря выигранной кампании, свое влияние в Европе.

⁶ Предполагавшаяся поездка Герцена в Швейцарию не состоялась.

⁷ О М.-А. Пинто см. в настоящем томе, в публикации писем к нему Герцена.

<Londres.> 18 mai <1856>.

I. Peterborough villas. Finchley. N<ew> Road

Saffi, cher Saffi,

Je ne veux pas rester 24 h<eures> sous le poids de vos lignes. Mais d'où et comment des idées pareilles ont trouvé place chez vous? On m'a donc

* По-французски игра созвучных слов: «insulaire» — островной, «insultant» — оскорбляющий, оскорбительный.

calomnié... je vous jure que pas un mot froid n'a été prononcé par moi, n'a pas même été pensé.

Votre amitié je l'ai cherchée, certes vous êtes l'homme qui m'est le plus proche en Europe. Je vous ai compris quoique vous n'êtes pas expansif. J'ai compris en vous le poète, l'homme humain, j'ai compris que votre vocation était plus lyrique que politique et je vous ai tendu ma main avec jeunesse, avec sincérité.

Qui donc a pu ébranler votre foi? — J'ai été terrifié par le commencement de votre lettre.

Est-ce toujours l'affaire de Talandier... mais nous nous sommes expliqués le 31 décembre¹.

Je n'ai rien au monde — rien que deux-trois hommes et mes enfants, si j'allais briser les liens les plus chers sans rime ni raison — serais-je alors digne de sympathie?

Non, je demande plus de confiance, je demande un peu de foi — de ceux dans lesquels j'ai une grande foi.

C'était un besoin de mon cœur de vous dire ces mots. Ce ne sont que des hommes comme Haug qui me reprocheront l'ingratitude (après avoir peut-être sans intention froissé mon cœur mille et mille fois). Vous — jamais. Je m'attache avec persistance, avec acharnement, comme je le faisais lorsque j'étais jeune.

Adieu, donc, et je vous serre la main avec amitié.

Que diable écrivez-vous du mois de juin *prochain* — c'est à dire j'ai compris de 1857, et vous pensez que je partirai d'ici sans vous voir... mais Oxford n'est pas plus loin de Londres que Londres d'Oxford.

Je ne partirai pas avant le 1 août².

Je vous embrasse au nom de mon ami Ogareff.

Les enfants vous saluent³.

Dimanche

Перевод:

<Лондон.> 18 мая <1856 г.>

I. Peterborough villas. Finchley. N<ew> Road

Саффи, дорогой Саффи,

Я и суток не хочу оставаться под тяжелым гнетом ваших строк. Откуда и каким образом могли вам прийти в голову подобные мысли? Стало быть, меня оклеветали... клянусь вам, что я ни разу не отзывался о вас холодно, что даже в мыслях у меня этого не было.

Я всегда искал вашей дружбы, вы, конечно, самый близкий мне человек в Европе. Я понял вас, хоть вы и необщительны. Я угадал в вас поэта, гуманного человека, я понял, что ваше призвание скорее лирическое, чем политическое, и я протянул вам руку с юношеским пылом, со всей искренностью.

Кто же мог поколебать ваше доверие ко мне? — Начало вашего письма меня просто потрясло.

Неужели это все еще из-за дела Таландье¹... ведь мы же объяснились 31 декабря.

У меня нет никого на свете, никого, кроме двух-трех человек да моих детей; если бы я бессмысленно разорвал самые дорогие узы, разве был бы я достоин сочувствия?

Нет, я прошу большего доверия, я прошу хоть немного веры от тех, в кого сам твердо верю.

Я чувствовал душевную потребность высказать вам это. Только такие люди, как Гауг, могли бы упрекнуть меня в неблагодарности (хотя сами, может быть и ненамеренно, сотни и сотни раз больно оскорбляли меня). Вы же — никогда. Я привязываюсь к человеку крепко, страстно, так же, как во дни юности.

Итак, прощайте, дружески жму вашу руку.

Какого чërта вы пишете о *будущем* июне, то есть, насколько я понял, о 1857 годе. Неужели вы думаете, что я уеду отсюда, не повидав вас? Но ведь Оксфорд не дальше от Лондона, чем Лондон от Оксфорда.

Я не уеду раньше 1 августа².

Обнимаю вас от имени моего друга Огарева.

Дети вам кланяются³.

Воскресенье

¹ См. письмо № 17 и примеч. 1 к нему.

² См. предыдущее письмо и примеч. 6 к этому письму.

³ На первом листе этого письма надпись на итальянском языке: «Povero Herzen». («Бедный Герцен»). По-видимому, она сделана самим Саффи.

20

3 octobre 1856. At Mr. Tinkler's. Putney

Cher ami,

J'ai longtemps pensé à votre lettre. Votre sincère amitié et votre confiance illimitée me mettent une grave responsabilité, et je l'accepte, car je l'ai mérité, comme réponse à mon attachement pour vous. Jamais de ma vie je n'ai pas pris à la légère les questions d'une gravité telle, lorsqu'il s'agissait d'un ami. Et voilà la cause pour laquelle il m'est encore impossible de répondre. Nous avons vu G<iorgina>¹ pour quelques instants, elle a vu notre accueil tout plein de cordialité, d'amitié anticipée, elle a produit l'effet le plus sympathique possible non seulement sur Natalie, mais sur Ogareff — laissez au temps de nous rapprocher. Dès qu'elle sera chez la dame hongroise² nous irons la voir et nous serons enchantés si elle vient passer une soirée chez nous. Si Nat<alie> ne va pas à la maison chez elle — c'est qu'elle ne va nulle part, une fois si elle paraissait chez les Crauford, les autres connaissances auraient le droit d'exiger autant.

Mais il me semble, cher Saffi, qu'il y a une autre question, c'est que la fluctuation est en vous et non en elle. Alors arrêtez-vous et sondez, sondez profondément votre cœur. Car si vous avez du scepticisme maintenant — vous devez craindre l'avenir et mieux reculer qu'avancer.

Pensez pourtant que votre fluctuation n'a pas le droit d'apporter des amertumes dans le cœur d'une femme aimante — elle vous croit, vous l'aimez — mais vous êtes rongé, comme moi, par le démon de ce siècle terrible, par l'élément — Hamlet, par le point de vue «de la négation», comme Maz<zini> l'aurait dit. Savez-vous aussi que par cela vous pouvez perdre les meilleures fleurs de la vie. Notre position n'est pas la même. — Moi je n'ai rien dans l'avenir que le travail fiévreux, auquel je m'adonne, et les enfants. Vous avez encore une existence individuelle lyrique à faire.

Pesez donc bien dans votre solitude tout cela et regardez si l'affection ou le doute prend le dessus.

Ecrivez-moi, discutons ensemble. Vous voyez, je suis franc jusqu'à l'imprudence.

Les Og<areff> vous saluent avec beaucoup d'amitié.

Envoyez-moi l'adresse de la dame hongroise — je l'ai égarée. Si on pouvait le faire, j'aurais invité un de ces jours G<iorgina> — mais je n'ose pas avant la visite de m<-me> Og<areff> — qu'en dites-vous?

Adieu, cher Saffi, la grande nouvelle de Londres est que Golovine *sur son humble prière* a été amnistié par Alex<andre> II — à condition de prendre immédiatement service. Ah, citoyen de la République universelle³.

Je continue de recevoir de la Russie des marques de la plus grande sympathie pour les choses que j'imprime ici.

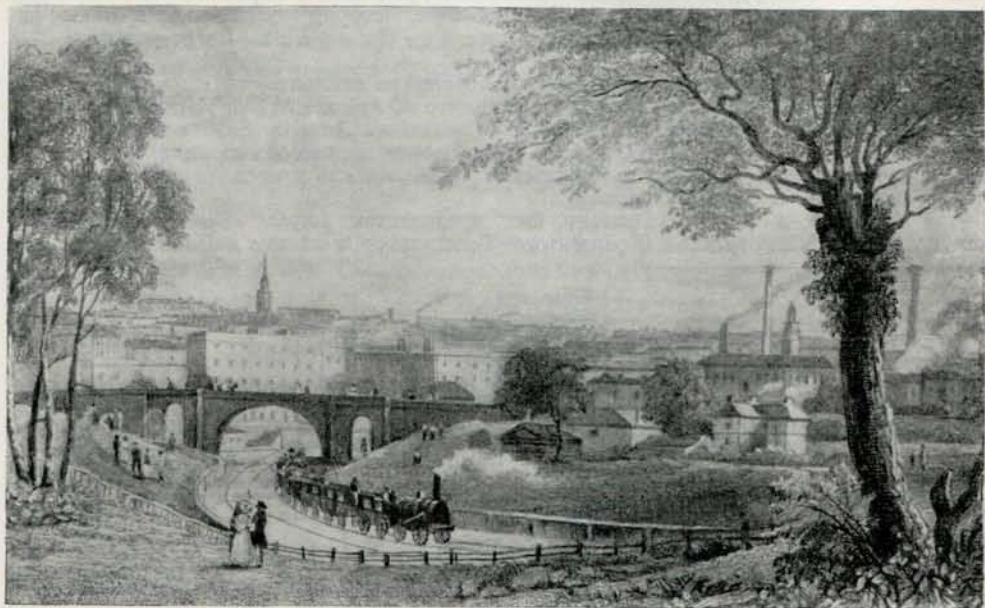
Soyez bien portant.

Перевод:

3 октября 1856. У мистера Тинклера. Путней

Дорогой друг,

Я долго раздумывал над вашим письмом. Ваша искренняя дружба и безграничное доверие налагают на меня серьезную ответственность, и я принимаю ее, ибо заслужил это своей привязанностью к вам. Никогда не относился я легкомысленно к таким важным вопросам, если дело касалось друга. Вот по какой причине я пока еще не могу дать вам ответа. Мы видели Дж(орджину)¹ всего несколько минут, она не могла не заметить, с какой сердечностью, с каким дружеским предрасположением мы ее встретили;

ЛОНДОН. ПРИГОРОДНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Гравюра из книги: «The History of London, illustrated by... Views by J. Woods», 1849

она произвела самое лучшее впечатление не только на Натали, но и на Огарева, а теперь дайте нам время сблизиться. Как только она переедет к венгерской даме², мы ее навестим и будем очень рады, если она проведет у нас вечер. Нат(али) только потому не бывает у нее дома, что вообще нигде не бывает; появившись она хоть раз у Кроуфордов, другие знакомые имели бы право требовать того же.

Но мне кажется, дорогой Саффи, что вопрос здесь в другом: колеблетесь вы, а не она. Если так, остановитесь и загляните, поглубже загляните, в ваше сердце. Ибо если вы сейчас испытываете сомнение, вам следует страшиться будущего и лучше отступить, чем идти вперед.

Подумайте, однако, что своими колебаниями вы не вправе вызвать горечь в сердце любящей женщины. Она вам верит, вы ее любите, но вас, как и меня, разъедает демон этого ужасного века, гамлетизм, «дух отрицания», как сказал бы Мац(цни). Знаете, ведь этим вы можете погубить лучшие цветы жизни. У нас с вами разное положение. У меня в будущем нет ничего, кроме лихорадочной работы, которой я отдаюсь целиком, да моих детей. А ваша личная сердечная жизнь еще впереди.

Итак, хорошенько взвесьте все это наедине с самим собою и посмотрите, что возьмет верх — привязанность или сомнение.

Напишите мне, обсудим все сообща. Как видите, я откровенен до бесцеремонности. Ог(аревы) дружески вас приветствуют.

Пришлите мне адрес венгерской дамы — я затерял его. Будь это возможно, я пригласил бы Дж(орджину) к нам как-нибудь на днях, но не решаюсь до визита г(жи) О(гаревой), — что вы на это скажете?

Прощайте, дорогой Саффи, важнейшая лондонская новость та, что Головин, по его *нижайшей просьбе*, был амнистирован Алекс(андром) П с условием, немедленно поступить на службу. О, гражданин Всемирной республики!¹

Я продолжаю получать из России свидетельства величайшего сочувствия к тому, что я здесь издаю. — Будьте здоровы.

¹ Джорджина Крауфорд (Crauford) — невеста, позднее жена Саффи. По происхождению англичанка, дочь английского дипломата, родилась и выросла в Италии. Отец долгое время не давал согласия на ее брак с Саффи. История любви и женитьбы Саффи описана Н. А. Огаревой (см. Н. А. Тучкова - Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 211—216).

Отметим, что Джорджине принадлежал перевод на итальянский язык статьи Герцена «Клевета», напечатанной в журнале «Pensiero ed Azione», № 8 от 15 декабря 1858 г. (см. IX, 426—430 и Lettere di Giuseppe Mazzini ad Aurelio Saffi e alla famiglia Crauford. Roma — Milano, 1905, p. 155—157). Возможно, что она является переводчицей и других статей Герцена, появившихся в итальянской прессе.

² Вероятно, к Терезе Пальской.

³ В 1848 г. в Париже Головин был президентом клуба «Братства народов» (см. изд. АН, т. VII, стр. 406). О ренегатстве Головина ср. в письме к Пианциани № 19.

21

17 oct(obre 1856). At Mr. Tinkler's. Putney

Cher ami,

Votre lettre — si pleine de cœur, de souffrance, de lutte — je l'ai lue avec l'amour que je vous porte. Oui, vous pouvez me parler de vos moments de doute, comme de vos moments d'espérance — dites chaque fois tout — vous vous soulagerez. Si je vous ai écrit un peu trop énergiquement — c'est qu'il s'agissait de décision — or l'indécision pratique est la chose la plus terrible lorsqu'il s'agit de deux personnes. Mais le côté intérieur, lyrique, la corde de larmes qui sonne dans l'âme quand même — je la comprends comme vous, soyez en sûr.

Si une voix vous dit à l'intérieur positivement — «*arrête-toi*» — il faut s'arrêter ou faire un acte de dévouement, d'abnégation et alors ne pas attendre de bonheur. Mais si cette voix intérieure ne le dit pas, mais se voile quelquefois par le scepticisme qui nous ronge tous — alors le bonheur est possible, et sera même une consolation.

G(iorgina) a dîné chez nous avec sa mère. Oui, elle est très sympathique (pas la mère seulement, j'ai bu une bouteille de vin à moi seul pour ne pas succomber sous l'interrogatoire politico-cosmo-italo-Bulevsko¹-écossais). Elle est très sympathique et c'est ainsi qu'elle a agit sur les Ogareff.

Nataliey va un de ces jours. Mais malheureusement il y a toujours du monde et on ne pourra pas lui parler seule. — J'ai proposé tout bonnement le toast — à notre ami absent. M(е) Crauford a aussi trinqué avec moi.

Voilà mon rapport, homme «*in love*» que vous êtes.

Mais quels sont donc les projets ultérieurs? Moi, je veux jouer le rôle de «l'oncle» — il y a toujours dans les comédies françaises un brave vieillard stupide qui embrouille tout, qui arrange tout — et qu'on embrasse avec cordialité dans la dernière scène. Mon diamètre, mon âge et la pauvreté des cheveux à l'endroit le plus *oncle* du crâne me donne ces droits.

Savez-vous que le père de Pianciani est mort. S'il reçoit la fortune — que de travail pour les amis-ennemis² de l'exploiter.

Nos affaires ne vont pas mal. Ogareff et Nat(alie) — qui tous les deux vous aiment plus que je ne l'aurais cru — vous serrent la main, moi — les deux.

A. Herzen

Перевод:

17 окт<ября 1856 г.> У м<истера> Тинклера. Путней

Дорогой друг,

Ваше письмо, полное чувства, страданий, борьбы, я прочел со всею любовью, которую к вам питаю. Да, вы можете говорить мне о минутах сомнения, как и о минутах надежды, каждый раз говорить мне все — это принесет вам облегчение. Если я написал вам немного резко, это потому, что речь шла о решимости, а нерешительность в поступках ужаснее всего, когда дело касается двоих. Но внутренняя лирическая сторона, та струна слез, что звенит в душе вопреки всему, — я понимаю ее так же, как и вы, поверьте мне.

Если внутренний голос явственно говорит вам: «Остановись» — надо остановиться или пойти на самопожертвование, самоотречение, и тогда уже не ждать счастья. Но если внутренний голос этого не говорит и лишь изредка омрачается скептицизмом, разъедающим всех нас, тогда счастье возможно и даже принесет вам утешение.

Дж<орджина> и ее мать обедали у нас. Да, она очень мила (только не матушка! я выпил один целую бутылку вина, чтобы не пасть под тяжестью политико-космо-итало-Булевско¹-шотландского допроса). Она очень мила и такое же впечатление произвела на Огаревых.

Натали пойдет туда на днях. Но, к несчастью, там всегда народ, и им нельзя будет поговорить наедине. — Я без стеснения предложил тост за нашего отсутствующего друга. Г<-жа> Кроуфорд тоже чокнулась со мной.

Вот вам мой отчет, молодой человек «in love»*.

Но каковы же ваши дальнейшие планы? Я хотел бы сыграть роль «дядюшки» — во французских комедиях всегда имеется эдакий славный глупый старикашка, который все запутывает, все улаживает и которого горячо обнимают в последней сцене. Мой объем, мой возраст и скудные остатки волос на самом дядюшкином месте черепа дают мне на это право.

Слыхали ли вы, что у Пианчиани умер отец? Если он унаследует состояние — сколько хлопот будет у его друзей-врагов², чтобы его обработать.

Дела наши идут неплохо. Огарев и Нат<али>, которые любят вас сильнее, чем я предполагал, жмут вам руку, а я обе руки.

А. Герцен

¹ Булевско — вероятно, от фамилии Людвига Булевского, польского эмигранта, члена «Централизации», журналиста. Он был знаком с семейством Крауфорд (см. «Lettere di Giuseppe Mazzini ad Aurelio Saffi e alla famiglia Crauford», p. 25); о Булевском ср. «Былое и думы» (изд. АН, т. XI, стр. 382—383).

² друзей-врагов — см. в публикации писем Герцена к Гервегам, а также во вступительной статье к публикации писем к Пианчиани, стр. 216 и 362 настоящего тома.

6 novembre <1856>. At Mr. Tinkler's. Putney

Cher ami,

Je vous renvoie les deux lettres¹. Les deux sont nobles, parfaites, l'amour est évident — il y a une certaine retenue, l'absence, je dirais d'un élément passionné — mais peut-être c'est la manière anglaise de s'exprimer.

Je ne comprends pas trop bien ce que vous voulez tous du père, il ne permet pas — ni ne s'oppose² — est<-ce> que vous pensez que cela le tuera?.. Que vous connaissez peu l'égoïsme d'un vieillard, qui a assez d'empire sur lui pour ne rien dire de la lettre. En diplomate il désire laver comme Ponce Pilate ses mains; il veut accepter un fait accompli, enfin il veut jouer aux échecs pendant qu'on lui fera une douce violence. — N'est-ce pas clair pour vous?

* влюбленный (англ.).

Le droit paternel a une limite. — Nous autres barbares nous sommes sous ce rapport un peu plus libres. Il faut faire des concessions pour ne pas avoir des remords, pour ne pas se repentir, par amour enfin — mais on ne peut pas victimiser son existence pour un caprice sénile. Si elle vous aime — et je le pense — elle passera outre. — Je vous attends. Adieu.

Ogareff et la Ogareff vous serrent la main.

Adieu.

Перевод:

6 ноября <1856 г.> У м<исте>ра Тинклера. Путней

Дорогой друг,

Возвращаю вам оба письма¹. Оба они благородны, прекрасны, ее любовь очевидна; в письмах видна известная сдержанность, я бы сказал, отсутствие страстного чувства, но такова, может быть, английская манера выражаться.

Я не совсем понимаю, чего, собственно, вы все хотите от отца; он не разрешает, но и не противится², — уж не думаете ли вы, что это его убьет?.. Как мало вы понимаете эгоизм старика, который достаточно владеет собой, чтобы не говорить о письме. Как дипломат, он желает, подобно Понтию Пилату, умыть руки; он хочет оказаться перед *совершившимся фактом*, одним словом, он хочет играть в шахматы, пока над ним будет совершено легкое насилие. Неужели это неясно для вас?

Отцовские права имеют границы. — Мы-то, варвары, мы в этом отношении несколько свободнее. Надо идти на уступки, чтобы не испытывать упреков совести, чтобы после не раскаиваться, наконец, просто из любви, — но нельзя жертвовать жизнью ради старческого каприза. Если она вас любит, — а я думаю, что этот так, — она не станет с этим считаться. — Я жду вас. Прощайте.

Огарев и Огарева жмут вам руку.

Прощайте.

¹ Письма Джорджины к Саффи.

² Кроуфорд согласился, в конце концов, на брак дочери. Свадьба Саффи состоялась 29 июня 1857 г.